РАЗГРОМ

ВЛАДИМИР КОЛОСКОВ

Владимир Колосков

Разгром

«Издательские решения»

Колосков В.

Разгром / В. Колосков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858133-5

Роман в жанре остросюжетного фэнтези «Разгром». Мир движется к концу. Пришельцы из потустороннего мира, прислужники темных богов, величайший маг и сильнейшие воины — смогут ли они поделить этот мир прежде, чем пробудится древняя сила?

ISBN 978-5-44-858133-5

© Колосков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Улицы 6
Глава 2. Подземелья 22
Глава 3. Черные флаги 39
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Разгром

Владимир Колосков

© Владимир Колосков, 2017

ISBN 978-5-4485-8133-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Улицы

Безымянный город на полпути из Исхафана в Индию спал под алмазным звездным покрывалом. В высоком доме недалеко от дворца мерцал тусклый свет. Пламя свечей замерло в неподвижном воздухе шахматной залы. Иногда пламя вздрагивало и, словно испугавшись задвигавшихся по стенам теней, застывало снова, оставляя в воздухе запах несгоревшего воска. В зале, в тиши ночного одиночества сидел странник. Ему было неспокойно и оттого не спалось. Бессонница оставила на его лице глубокие следы. Неспокойно ему было всегда: и днем, и ночью. Все несчетные годы долгой жизни он провел в смутной тревоге, разгонявшей ночной сон не хуже крепкого кофе и горячих жен, но в этом городе к его беспокойству были новые веские причины.

Внешне странник казался непроницаем. Реши кто-нибудь проследить за ним – что для простых людей было задачей едва ли посильной, – он бы увидел лишь утомленного жизнью человека, пришедшего скоротать час-другой в компании шахматных фигур, беспорядочно расставленных на клетчатом полу, набранном из черных и серых мраморных плит.

Странник размышлял. Его лицо сохраняло неподвижность. По привычке прищуренные от солнца глаза не двигались, не изучали богатое убранство зала, а равнодушно остановились на серебряной короне черного ферзя. Одинокий наблюдатель находил себя в чем-то похожим на эту стройную, но могучую фигуру, чья сила определялась незыблемыми, раз и навсегда установленными законами, которые запрещали черным ходить первыми. Разве что у странника не было короля и его сила ждала случая. Может быть, в этом городе? В городе, где столько странного. Где по улицам ходят люди, не являющиеся людьми. Существа, скрывающие свой облик ото всех. В городе, где искусный глаз видит следы от проходов в иные миры и присутствие чего-то или кого-то, кого можно записать в белые ферзи.

Но это были лишь следы. В мире много странных существ и много магии, даже лазейки в потустороннее не такая редкость, чтобы каждый раз тревожиться и лишать себя ночного сна. Как игрок в шахматы легко отличит позицию от беспорядочно расставленных фигур, так и странник должен суметь различить, с чем он столкнулся в этом городе.

Дверь в залу тихо отворилась, но взгляд странника не шевельнулся. Его обладатель знал, кто из многочисленных гостей дома составит ему компанию, когда этот некто еще шел по винтовой лестнице. Интересно, куда он сядет: на место второго игрока или рядом? Ночной гость сел рядом и вежливым кивком головы попросил разрешения потревожить думы странника.

– Меня зовут Паласар, – представился гость, уловив по движению руки приглашение к разговору. – Я путешественник и собиратель историй, ходящий по городам в поисках слушателей и рассказчиков, готовых обратить свой слух к преданиям старым и новым или поделиться со мной нажитой мудростью, которая через меня может достичь многих ушей. Я исходил много городов и селений, стран и сторон, краев и направлений.

Странник выказал свой интерес к Паласару, подвинувшись к нему на едва заметное расстояние. Паласар точно уловил этот жест и продолжил:

– Древние говорили, что мудрость скапливается в уголках глаз. Судя по уголкам глаз почетного гостя, разделившего сегодня со мной кров нашего гостеприимного хозяина, ему довелось немало посмотреть на своем веку, а следы солнца, опалившие его некогда кипящие цветом шелка, говорят о том, что много дней в дороге выпало на его долю. И если будет мне, по моему призванию собирателя историй, простителен сей навязчивый интерес, то осмелюсь спросить, какие же мысли лишили ночного отдыха и усталости столь мудрого человека, что вынудили его пренебречь самыми сладкими снами, приходящими, как известно, под утро, и привели его в это уединенное место?

– Мои мысли тревожны, рассказчик Паласар, – разверз уста странник. Паласар отметил про себя, что странник именно разверз уста и никак иначе, и именно так следует записать в свитках, если то, что он расскажет, будет достойно упоминания. – Но тревоги старика не достойны твоего интереса. В уголках моих глаз не мудрость, а лишь года длинной жизни. Этой ночью мне нечем порадовать доброго сказочника.

Вот так так. Сказочника! Такого удара сандалией исподтишка, такой подножки на крутой лестнице, такого толчка в спину с борта каравеллы – Паласар перебрал многое из того, чему никогда не подвергался, – он не ожидал. Странник насладился произведенным эффектом и налил в хрустальный кубок воды из графина.

– Может быть, вместо истории я могу предложить вам ночной прохлады? – Странник указал на пустой кубок. Паласар в своих мыслях добрался до «ножа в спину в темной подворотне», едва не скривился от банальности метафоры, но, услыхав странника, откликнулся на его приглашение. В здешних домах не пили вина, но в городе посреди пустыни и прохладная вода была поводом к небольшой церемонии.

Они отпили. Паласар, чутко следивший за малейшими движениями своих собеседников, заметил, как странник шепнул заклинание перед тем, как отпить воду. «Должно быть, на яды, – подумал Паласар. – Гость и впрямь беспокоен, если подозревает, что в этом доме его могут отравить».

Догадка Паласара оказалась ложной. Странник не боялся ядов. Он шепнул заклинание, чтобы проверить, не является ли Паласар одним из тех странных существ, что попадались ему в городе. Не подослан ли он что-то выведать.

Нет, Паласар оказался крайне своеобразен, но безопасен, и представлял он собой ровно того, за кого себя выдавал. Странник улыбнулся. Паласар ходил под какой-то древней магией, под глубоким заклятием, вернее проклятием, что его совсем не тяготило. Эманации проклятия плавными нитями струились по комнате, обволакивая Паласара в полупрозрачный воздушный кокон. Проклятие кружилось медленно, но, видя его направление, странник рассудил, что если дать ему достаточно времени, оно совсем оплело бы рассказчика историй, запечатало бы в саркофаг, значит, что-то не дает ему закончить работу. Нити не просто кружились вокруг Паласара, а исходили из него, и они представляли собой единое гармоничное целое, разрушить которое по силам только источнику магии. Как мало людей могло видеть то, что видел странник. Жаль, люди смогли бы столько узнать о магии, обладай они таким зрением. К сожалению, обучиться такому умению могли единицы.

«Насколько же Паласар древен?» – спросил себя странник. Он много старше своих лет. Он может быть старше этого дома, старше странника, старше самого города. За ним стоит больше поколений, чем фигур на шахматном полу. Глаза странника закрылись. Нет, над загадкой Паласара можно поразмыслить и завтра, а сейчас надо отдаться сну, который, как неприветливый отец, наконец открывает несчастному свои холодные объятия.

– Меркурий заходит, – проговорил странник, указывая на чернеющий небом оконный проем. – Я никогда не засиживаюсь после его захода, – пояснил он, вставая.

– Да будет твой отдых, сейид, безоблачным, как ночь над пустынею, а сны прекрасней розовых цветов.

– И тебе не ерзать. Если завтра ты пожелаешь осмотреть город, найди меня с утра. Я проведу базарными рядами. Там много мест, где рассказчики в большом почете, а небывалые истории в избытке.

– Как мне вас найти? – спросил Паласар странника, скорым шагом устремившегося к двери.

– Спроси у слуг покои сейида Мельхиора.

Прошло немало времени, прежде чем Паласар постучался в дверь, за которой скрывался странник. Паласар-то не страдал бессонницей, и даже любопытство, которое могло потащить его среди ночи на огонек в шахматной зале, не заставило его проснуться на заре.

Женщина в легком платье отворила Паласару дверь и, изящно поклонившись, зазвала его внутрь. Паласар вошел в гостевые покои, в несколько раз превышавшие его собственные. Мельхиор, несмотря на позднее утро, никуда не спешил и терпеливо дожидался приглашенного гостя. Он так же, как и ночью, сидел в совершенной неподвижности на ковре и смотрел через балкон на игры птиц, которые те устраивали у фонтана во внутреннем дворе.

– Доброго утра и многих лет здравия, сейид, – поздоровался Паласар, стоя на шелковом ковре рядом с Мельхиором, но не решаясь присесть без приглашения.

– У хозяина много красивых птиц, – ответил Мельхиор. По его голосу Паласар определил, что тот пребывает в романтическом настроении духа. – Жаль, что мы не слышали этой ночью соловьев. – А раз помянул соловьев, то не обошлось без участия той очаровательной служанки, что встретила Паласара у дверей. Сколько эти красивые разглагольствования могут продлиться? Впрочем, время – это то, чего Паласару беречь не приходилось, а поболтать о пустяках он сам был мастак, каких мало.

– Весь этот двор от крыши до крыши накрыт тонкой сеткой, мешающей птицам лететь, куда им вздумается, – сообщил Мельхиор.

– Весьма предусмотрительно со стороны нашего хозяина, особенно если учесть, что многие из обитателей его птичника весьма дороги.

– Среди молодых людей нынче стало модным обсуждать, будут ли птицы более счастливы, если заменить им обычные клетки такими сетками.

– Если бы кто-то решил обсудить со мной положение птиц с точки зрения их счастья, я бы нашел такой вопрос лишенным веса…

– Пустым, короче говоря?

– Именно так, умнейший, и, поскольку философы и мудрецы еще толком не условились, что понимать под счастьем человека, чтобы мы могли с какой-то степенью разумности переносить этот философский конструкт на птиц, могу только заметить, что простор делает многие виды птиц более интересными для наблюдения, поэтому, с точки зрения человека, такое устройство, без сомнения, более совершенно.

– Что ж, уход от вопроса – это в своем роде решение вопроса. Но пойдем! Иначе нам придется встретить полуденный жар на кишащих чернью улицах, а не в более достойном двух мудрых мужей месте.

Дом, из которого они вышли, один из красивейших и почетнейших в городе, располагался невдалеке от шахского дворца и рыночной площади. Мельхиор оказался прав: узкие улицы, окружавшие базарные ряды, были запружены народом, и нестерпимый жар начинал разливаться над городом. К счастью, спутник Паласара отлично освоился в лабиринте переулков и провел их мимо жилых домов, где не было торговли, запряженных ослами телег, назойливых зазывал, прилипчивых лавочников и шумных торгующихся покупателей.

Но улицы кончились, и из тенистой прохлады они нырнули в океан базарной площади, в настоящий шторм гвалта и толчеи. Народ готовился к празднику. Мельхиор не говорил много, он был занят чем-то своим, то ли кого-то выискивая, то ли что-то приглядывая. Мельхиор выискивал людей, которых заметил ранее, людей, которые не были людьми, а лишь надевали, как платье, человеческие лица, но сообщать о поисках Паласару он не торопился. Тем более что пока никого подозрительного на улицах города не было.

С трудом преодолевая суматоху базарного дня, они продирались через площадь. Лепешки и жемчуга, платья и головные уборы, халаты: женские из кисеи и тонких шелков, мужские из тяжелой парчи, украшенные вышивкой пояса, пряности, древности, золотые монеты с головами цезарей и даже невольницы – все добро, если верить продавцам, уходило

едва ли не бесплатно, за немыслимо низкие цены, которые, несмотря на столь лестные обещания, следовало сбивать в два, в три, а то и в пять раз против объявленных.

Базар, хоть и поражал шумом, но все же нес отпечаток некой фальшивой потешности и в народе шутливо назывался базар-у-дворца. Такое противопоставление народного и царственного в одном слове люди находили забавным, хотя неместным сложно ухватить подлинную иронию базара-у-дворца.

На дворцовую площадь пускали в основном торговцев благородным товаром: ювелиров, антикваров, продавцов дорогой одежды, кондитеров со сластями и пекарей со снедью. Редко встречались здесь горшечники, шорники или кузнецы. Если и встретишь где седло или уздечку, то это будет китайская, расшитая жемчугами диковинка, а горшок, если и попадется на чьем-то прилавке, то окажется фарфоровой реликвией или погребальной урной, такой древней и дорогой, что хранить в ее расписанных киноварью стенках подобает только мощи праведников. Подкидывая денег страже, иногда пробирались на базар провидцы, лекари и дервиши.

Спутники собирались укрыться в чайном доме – чайхане, как их тут называли, – когда внимание Мельхиора привлекло некое происшествие, которое за шумом торговли Паласар даже не услышал. Мельхиор внезапно прихватил его за рукав и потянул в сторону, в улицы, где он усмотрел нечто необычное.

По мере приближения к месту запахло насилием. Злость, гнев и смерть читал Паласар на лицах прохожих. Толпа собралась, чтобы учинить над кем-то свое жестокое правосудие, но судя по лицам, приговор уже привели в исполнение, и стихийные палачи расходились, неся на себе быстро таявшие отпечатки содеянного.

– Третий за последнее время! – воскликнул кто-то в бредущем по своим делам народе.

– Неудивительно! Всем хочется на праздник, – поддакнул кто-то.

Мельхиор опять подтянул Паласара за рукав и шепнул:

– По меньшей мере седьмой, и это странно.

– Кто седьмой? – вполголоса спросил Паласар.

– Он, – указал Мельхиор на распростертую на мостовой фигуру.

Лежащий человек, несмотря на жару, был полностью затянут в грубое рубище. Голова его также была завернута в тряпье. Рядом с человеком лежало множество камней, которыми его закидала толпа. Почти все разошлись, вокруг убитого опасливо слонялись несколько подростков. У одного из них была палка, и другие подзуживали его ткнуть фигуру концом палки, но тот медлил и не решался.

Мельхиор, взяв за шиворот подростка с палкой, отшвырнул его со своего пути, будто обладал силой крепкого воина. Этого оказалось достаточно, чтобы его товарищи в страхе разбежались. Мельхиор приподнял наскоро казненного человека, прислонил его невесомое тело к стене и снял покрывало, обернутое вокруг головы. За покрывалом Паласар увидел изъеденное язвами лицо прокаженного. Он привык к таким зрелищам, и даже запах гниющей плоти не вызывал в нем обычного отвращения. Он и сам обращался с жертвами проказы с завидной легкостью, но зрелище того, как это делает другой человек, отозвалось в нем тревогой за здоровье Мельхиора.

– Сейид не боится перенять злосчастную хворь? – осторожно поинтересовался Паласар, хотя догадывался, что Мельхиор, похоже, не менее сведущ в тайнах и опасностях болезни, чем он сам.

– Как видишь, не боюсь, – ответил тот, не оборачиваясь. – Нам повезло. Он еще жив. Давай, скажи же что-нибудь. – Мельхиор без стеснения дал раненому несколько пощечин. – Что ты делал в городе? Почему не сидите со своими? Отвечай!

Раненый – хотя, судя по нескольким шрамам на черепе, его следовало назвать умирающим – пробормотал что-то неразборчивое, на что Мельхиор задумчиво хмыкнул и продолжил спрашивать:

– От кого? Откуда?

Но тут умирающий откинул голову и потерял сознание. На улице появилась стража. Четверо. Они подошли к Паласару и, приняв его за слугу, спросили:

– Твой господин лекарь?

– Да, любезные хранители покоя и порядка, – сориентировался Паласар, начав объяснение в смиренном, едва ли не подобострастном тоне, – перед вами искуснейший лекарь по сю сторону Красного моря, чье мастерство врачевателя соперничает только с его природным милосердием, которое он готов расточать на каждого страждущего, а равно и всякого, кто в нем нуждается.

– Этому услуги твоего господина больше не понадобятся, – ответил стражник, бывший за старшего. Паласар еще вчера заметил, что у Мельхиора была особая аура, присущая людям большой власти, отчего другие сразу, еще не видя его лица, еще не слыша его голоса, испытывали перед ним необъяснимый трепет. Даже суровые стражники предпочли не обращаться к Мельхиору напрямую, а взяли Паласара в посредники.

У Мельхиора защемило в груди, когда он услышал, как из-за него приходится лебезить перед стражей Паласару. Вместо того чтобы молча удалиться, как он сделал бы в другое время, он решил показать, как умеет обращаться с грубоватой публикой. У Мельхиора была особая аура, но своя аура была и у Паласара. Рассказчик историй заставлял людей играть для него и производить впечатление. Он был зрителем, который одним присутствием мог вызвать к жизни интереснейшие спектакли.

Голой рукой Мельхиор опустил погибшему нижнюю челюсть, вытащил пальцами язык и, осмотрев его, вернул обратно в рот. Затем Мельхиор встал и, держа обслюнявленную руку перед собой, подошел к Паласару.

– Скончался, – сказал он «слуге» и тут же обратился к страже: – И это называется служба? У вас прокаженные по улицам разгуливают. Город закрыт для прокаженных. Где вы были?

– Случаи участились, сейид, – ответил в оправдание стражник, боязливо косясь на побывавшие в зараженном рту пальцы, – но мы держим улицы под строгим приглядом. Мы приходим так быстро, как можем. Иногда народ успевает быстрее.

– Через два дня я зван на прием к шаху показать свое умение. Я расскажу ему, что происходит на улицах.

Стражник замялся, раздумывая, стоило ли ответить на слова угрозы. Тем временем Мельхиор достал белый как снег платок, вытер им руку и подбросил платок в воздух. Произошло невероятное, что заставило Паласара округлить глаза, а стражников в страхе отступить на шаг. Платок вспыхнул яркой вспышкой и в мгновение ока сгорел дотла. Пепел разлетелся по ветру, не успев коснуться земли.

– Если так угодно сейиду, – поклонился стражник, отступая с дороги.

– Теперь пойдем, – позвал Мельхиор и двинулся обратно на базарную площадь.

Паласар следом прошел мимо стражников, улыбнулся и пожал плечами – дескать, не обессудьте.

– Он сказал: «Спасался», – поделился Мельхиор со своим спутником, когда тот догнал его.

– А? – переспросил Паласар, который прислушивался к тому, как стражники за их спинами спорили, кто будет обвязывать убитому ноги веревкой, чтобы утащить с улицы.

– Он от кого-то спасался, – повторил Мельхиор. – Спасался. Не думаю, что он имел в виду свою душу. Получив столько ударов по голове, люди теряют склонность к фигуральным выражениям. Итак, спасался, – в четвертый раз подчеркнул Мельхиор. – Что скажешь?

– Полагаю… – начал Паласар и задумался, потому что говорить очевидные вещи не хотелось, к тому же его перебили.

– Ишак!

– Шайтан!

– Тюфяк с заплатой!

– Мешок навоза!

– Плешивая борода!

– Шакал без племени! – ругались торговцы, не поделившие место.

Пока один из торговцев уходил одним глазком посмотреть на прокаженного и кинуть камушек-другой в возмутителя спокойствия, его сосед слегка подвинул товар отлучившегося товарища и занял освободившееся место.

– Я твою жену на базаре покупал!

– Я твоих дочерей на базаре продавал!

– Я твоих баранов на шампуре вертел!

– Я твоих баранов знаешь на чем вертел?!

– Я твой «вертел» шиш-кебаб за полдинара покупал!

Ругань торговцев прервал пронзительный женский крик. Вопль был таким страшным, что все повернулись по направлению звука. Глазам зрителей предстал угрюмый мускулистый детина, который с пугающего вида кузнечными клещами склонился над женщиной, завернутой в безразмерное черное платье. Обладательница громкого голоса, что было видно и через скрывающий размеры покрой, была вдвое крупнее своего мучителя, и ему бы крепко досталось, не будь крикунья надежно привязана ремнями к наклонной скамье. Благодаря этой нелишней предусмотрительности, по которой можно отличить опытного специалиста от дешевого коновала, вместо тумаков на рыночного зубодера обрушилось всего лишь извержение площадной брани. Правда, поток ругательств был таким непотребным, что мнившие себя острословами торговцы забыли свой спор и стыдливо прикусили языки. Даже ловкий захватчик прилавка поделился местом с товарищем, дабы им больше не пришлось позориться перед всеми косноязычием. Только чернокожий эфиоп в красно-желтой феске как ни в чем не бывало продолжал без устали драть горло, перекрикивая бранчливую пациентку:

– Вода! Вода! Холодная вода! Один динар!

– Один динар за воду? Должно быть, у него в кувшинах прячется целое озеро! – притворно возмутился Паласар. Уж он как никто обожал торговаться на базарах.

– Сходим в ущелья за городом, – предложил Мельхиор, всю базарную перебранку пребывавший наедине со своими мыслями. – Обычно прокаженные живут в изгнании там.

– Пойдем пешком? – уточнил Паласар, поглядывая на свои ноги. Ему не улыбалось в первый же день изорвать о камни красивейшие туфли красной замши, отделанные шелковыми шнурами, которые он специально берег на грядущие праздничные и предпраздничные дни.

Мельхиор по опущенному взгляду понял тревоги Паласара и сжалился:

– Возьмем верблюда.

– Завтра могу обуть сапоги, – словно извиняясь, добавил Паласар.

– Верблюдом быстрее.

Товарищи выбрались с базара-у-дворца и пошли к городским воротам, к месту, где собирались караванщики и погонщики верблюдов.

– Немногим магам удается овладеть силой огня, стихией пламени, – задумчиво проговорил Паласар, пока они с волшебником шли, направляясь к воротам.

– В Искусстве путь стихий несложен, – не вдаваясь в подробности, ответил Мельхиор.

– Для тех, кому он предназначен, он, может быть, и легок.

– Ты пробовал изучать Искусство?

Паласар задумался перед тем, как ответить.

– Сам не имею склонности иначе чем к материям простых и сложных элементов, знания о которых известны издревле алхимии, да травам, однако я наслышан и про чародейство, хотя сам избегаю того, чему не смею предаваться по своей воле.

– Да, я вижу.

– В чем же opus magnumpus agnum твоего Искусства, если власть над огнем лишь скромный повод пострашать несведущих?

Теперь задумался волшебник.

– Я вижу, – повторил Мельхиор значительно. – Мой венец – заклинание, которое дает мне видеть все так, как оно есть на самом деле. Ничто не скроет от меня своей настоящей формы.

Паласар хотел узнать подробности, но они подходили к воротам, у которых стояли верблюды, и ему, как более опытному покупателю, предстояло вести переговоры. Рассказчик историй подошел к первому попавшемуся караванщику и объяснил ему цель их поездки. Караванщик удалился к своим, и через минуту к Паласару вышел гнусного вида погонщик, готовый их отвести.

Погонщик, одетый в пыльную курту, спрятал руки в отвороты этой то ли рубахи, то халата (спрятанные руки – жест о честности не свидетельствующий) и назвал цену. Паласар, ни секунды не задумываясь, округлил глаза и разразился фонтаном цветистых, но приличествующих своей персоне проклятий в адрес погонщика и его рода, грозя всем различными карами в этом и загробном мире. После пролога Паласар снизил цену вдвое. Погонщик, неосознанно подражая своим верблюдам, лениво сплюнул и символически скинул два динара. Паласар продолжил обличать «грабителя» во всех возможных грехах, неоднократно помянув, что скорее все верблюды, что стоят сейчас на привязи, табуном молоденьких жеребчиков проскочат через игольное ушко вместе со всей упряжью, чем «бессовестный мздоимец и крохобор» удостоится предстать перед Аллахом, чтобы вкусить райских благ.

Старания Паласара, однако, не привели к значительным успехам. Риск лишиться посмертной награды не тронул мздоимца и крохобора. Погонщики отлично знали, зачем и в какие ущелья собираются два хорошо одетых сейида: прокаженных иногда навещали родственники. Некоторые из родни были достаточно состоятельны, чтобы позволить себе поездку верхом, и для погонщиков, как это обычно и бывает, мало что из городских дел являлось тайной.

После соблюдения церемонии торга товарищи с погонщиком на двух верблюдах тронулись в путь. Паласар ехал на первом верблюде вместе с погонщиком, за которым по обоюдному согласию товарищи решили приглядывать в оба, а Мельхиор, как человек более знатный, вольготно разместился на потертой попоне второго зверя.

Скоро прискакали к ущельям. Погонщику не хотелось провести весь день на солнцепеке, поэтому он гнал своих подопечных скорой рысью, не заботясь о том, найдут ли они в ущельях воду. Невосприимчивость верблюдов к жажде была одним из немногих достоинств этих неприятно пахнущих животных. Увы, горные способности этих животных не так хороши, как у ослов и мулов, а где-то уступают и лошадям, поэтому у начала ущелья Мельхиору пришлось спешиться. Оставив Паласара сторожить погонщика, сторожащего верблюдов, он направился в ущелье, где должны были жить прокаженные, пешком.

Волшебник вернулся на удивление быстро. Паласар успел выложить камушками на песке несколько созвездий. От карты звездного неба, которую он наметил, они составляли одну четвертую часть.

Мельхиор дал знак собираться. Погонщик поднял одного верблюда, но второй остался флегматично сидеть на песке.

– Ох уж мне эти вонючие верблюды со своим особым мнением по каждому поводу, – раздраженно вздохнул погонщик, привычно пиная корабль пустыни в брюхо. Последний, не менее погонщика привыкший к этим пинкам, даже не приоткрыл век. Тогда погонщик решил действовать жестче: он зачерпнул горсть песка, ударил верблюда ногой в голову и, когда тот недовольно открыл глаза, бросил ему горсть песка в морду. Верблюд с ревом подскочил, заметался, угрожая вырваться, но погонщик проявил сноровку и вместо того, чтобы тягаться с верблюдом в кто кого пересилит, сделал несколько прыгающих шагов в его сторону, чтобы не дать вырвать поводья. Чуть отпустив верблюда, он начал подтягивать повод обратно к себе, и дисциплина была восстановлена. – И так каждый раз, каждый проклятый раз эти пляски, словно джинн в него вселился. Но что меня утешает: когда-нибудь я сдеру с этого мешка навоза шкуру, мой шурин пошьет из нее отличные бурдюки, а мой брат продаст их у себя в лавке. – И погонщик с таким достоинством поднял указательный палец вверх, будто эти бурдюки из шкуры неубитого верблюда призваны были обеспечить ему безбедную старость.

На обратном пути подлости от погонщика можно было не опасаться, и спутники вдвоем заняли второго, обиженного верблюда.

– Скорое возвращение и печать равнодушия, что серым камнем лежит на лице почтенного мудреца с самого начала пути, сказали мне, что мы не продвинулись в нашем походе. Не обманули ли меня эти знаки? – вкрадчиво потревожил спутника Паласар.

– Ты прав: знаки! – вернулся к настоящему укачавшийся до полудремы Мельхиор. Волшебник и пешком был весь день задумчив, как философ, а на мягком горбе верблюда его чуть ли не сонная болезнь одолела.

– Знаки, знаки, знаки… – забормотал волшебник, собираясь словами и мыслями.

– Их оставили прокаженные? – подсказал Паласар.

– Нет, – махнул рукой Мельхиор, – они давно ушли. Я не читаю следов, но времени собраться у них было немного. Не ушли – сбежали, можно сказать.

– И куда они ушли или сбежали?

– В ущелье течет река, она снабжала их водой. Река начинается под землей и в землю же уходит. Думаю, она течет и под городом, и есть цепь пещер, по которым они прошли под стенами. Сейчас входы, какие и были, запечатаны.

– В пустыне встречаются реки, что текут без видимого начала и конца, лишь кратко показывая свои воды солнцу, – подтвердил Паласар. – А знаки?

– Темные, зловещие знаки. Редкие знаки. Они не в ходу среди людей. Знаки сулят погибель. Прочитавший их должен спасаться бегством, за меньшее – поостеречься. Здесь намечается связь. Те, кто оставили знаки и запечатали входы, не ждут гостей. Они заставили прокаженных покинуть поселение, и те, рискуя жизнью, ищут укрытия в городе. Связь с праздником, который объявил шах, я также подозреваю.

– Какая-то загадка. – Паласар любил загадки. Из них получались интересные истории. Главное, чтобы загадки не вели к риску для жизни, а такое случалось. – Только при чем тут праздник, я никак не соображу?

Мельхиор не ответил, потому что сам не мог сообразить.

– Говоря о знаках, я разузнал, что нашего верблюжатника зовут Матали, – с хитрецой сообщил Паласар и подмигнул волшебнику.

– Мне это что-то должно сказать, кроме того, что в мое отсутствие ты был расположен к беседе?

– Матали – возница Индры, – обиделся Паласар.

– И кто такой Индра? – насмешливо, словно похваляясь незнанием, спросил Мельхиор.

– Крупный бог в Индии, не важно. – Паласар уловил насмешку и вместо подготовленного отступления в тайны индуистского пантеона хмуро насупился.

– А… – протянул волшебник.

Дальше до города товарищи ехали молча. Мельхиору показалось, что он научился управлять словесными извержениями Паласара, но тот лишь взял передышку и, как перекрытая плотиной река, готовился прорваться в другом месте в неожиданное время.

– Вернемся к старому плану и зайдем в чайхану, – предложил Мельхиор, когда они спешились за городскими воротами и, расплатившись с погонщиком, стали свидетелями очередной торгашеской перепалки.

На этот раз какой-то заезжий купец с роскошным караваном крыл площадной бранью всех погонщиков и караванщиков разом. Его отборным верблюдам, видите ли, не давали хорошего места, да и за негодное место цену драли нещадную. На помощь купцу поспешили его многочисленные погонщики и управляющие, но местные воротилы верблюжьего дела им в упрямости ни капли не уступали. Все кругом ругались на чем свет стоит и получали от этого несказанное удовольствие.

– Поспешим, потому что ни говорить, ни думать, ни даже дышать в таком гаме определенно невозможно, – раздраженно подвел черту Мельхиор, единственный не получавший никакого удовольствия от творившегося вокруг замечательного представления.

– На базаре как на базаре, – вздохнул Паласар, бывший на этот раз не в силах облегчить страданий своего непривычного к восточной сутолоке товарища. Как ребенок, которого крестьяне тащат на работу в поле, озирается на любимый шалаш в раскидистой кроне дерева, так и Паласар то и дело поворачивал голову, надеясь хоть краем уха услышать, выбьет ли тот важный купец себе место или воротилы поставят на место самого купца.

В дорогой чайхане по соседству с базаром-у-дворца была прохлада, чинная обстановка и два вида чая: черный и красный. Видя богатые одежды гостей, половой намекнул на некий зеленый чай прямиком из Китая – исключительную, по его словам, диковинку. В этом году Китай был в моде: стоило намекнуть, что вещь сделана в Китае, и можно было драть с невежд три цены, но Паласар не дал себя обмануть и продать им эту непьющуюся бурду за баснословные деньги. Хватит того, что в канун праздника и обычные цены взвинтили без всякой оглядки на стыд и совесть.

Они взяли по чайнику черного и красного и расселись на коврах. Черный и красный на пробу тоже оказались одним чаем, только черный был крепче заварен; впрочем, изобилие сортов не всегда благо. Паласар вспомнил, как в Киренах всякое бессмысленное разнообразие Тед, его тогдашний спутник, презрительно именовал маркетингом. Более мерзкого для слуха слова Паласар не мог представить, а уж что за ним скрывалось, и вовсе предпочел тогда не расспрашивать.

Разлив чай по чашкам, путешественники вернулись к незаконченному разговору.

– Прокаженные обычно живут общинами. В городе нет известных или разрешенных общин, и если они каким-то образом оказываются в гуще толпы, значит, они приходят через тайные ходы, – закончил вынашиваемую с дороги мысль Паласар. – Это пребывает в согласии с нашими наблюдениями о подземной реке и возможной сети пещер под городом.

– Именно! Или у их общины есть скрытое убежище, которое располагается в самом городе или под городом. Тогда они перебрались в него при первых признаках опасности.

– Опасности? – Паласар как-то не подумал об опасности. Он не любил опасности. Слушать и рассказывать про опасности – это увлекательно, замечательно, прекрасно, но самому быть поблизости – это кое-что совсем другое. Почему тайны всегда должны соседствовать с опасностями?

– Конечно! Не думаешь же ты, рассказчик историй, что несколько сотен людей просто покинут обжитое место без веских причин, да еще будут рисковать жизнью на городских улицах.

– М-м-м-м-м… – замычал Паласар, обдумывая новые обстоятельства. – Нет, разумеется. Определенно нет. Без малейших сомнений.

– В любом случае надо найти их новое убежище. На третий день начнется праздник в честь годовщины восшествия на престол нынешнего шаха. Будет много народу, который придет трепетать и благолепствовать в лучезарном свете своего правителя.

– Может быть, раболепствовать? – предположил Паласар.

– Или так, не знаю точно, как принято в здешних традициях. Хотя полагаю, что здесь, как и во многих местах, бескорыстная любовь народа к правителю находится в неизменной связи с обычаем раздавать деньги во время праздника.

– Насколько я осведомлен в здешних традициях, это так, мудрейший, – подтвердил Паласар, и Мельхиор продолжил:

– Прежде, на второй день, у меня аудиенция у шаха. На ней мне представится возможность выступить, и, если в этом городе что-то происходит, мне нужно собрать доказательства за завтра.

– Не много времени у нас в запасе, если учесть сложность задачи. Без того, чтобы поговорить с живым прокаженным, разгадать тайну их поведения и бегства будет нелегко.

– У меня есть свои пути узнавать истину, – похвалился Мельхиор. – Меня больше тревожит, что может за этим скрываться.

Паласар пока ничего не знал о таинственных пришельцах, которых видел Мельхиор в городе, поэтому не разделял глубоких опасений своего спутника. Упоминание об опасности было тревожным, но сам рассказчик историй еще не видел ничего пугающего.

– Что тебе известно о местном шахе? – спросил Мельхиор.

– Немногое. Он мало известен за пределами своих владений, которые я при его жизни посещаю впервые.

– Я познакомился с его историей, которую мне прислали для подготовки к аудиенции. Фраман Раджу тоже было что про него сказать. Так вот, Андзор не урожденный шах, – начал рассказ Мельхиор. – Он пришел к власти в результате заговора и переворота, когда ему было пятнадцать лет от роду. Заговор составляли, конечно, другие. Он был лишь знаменем, но проявил себя с лучшей стороны и в решающий момент уличных боев повел верных людей на штурм неприступной башни. Он бежал под стрелами впереди всех. В пятнадцать лет, как я помню, смерти еще не существует, и тем Андзор заслужил пропасть уважения и почитания и прибавил к своему имени «Светоносный».

Затем многие прочили Светоносному судьбу Солнечного, сиречь Гелиогабала… Ты, конечно, сведущ в истории Рима? – У Паласара задергался глаз и нижняя губа, он сразу и не нашел, что ответить на такое оскорбление, только согласно кивнул. – Гелиогабала, в той же степени отличившегося в бою в летах еще моложе. Гелиогабала, который, умерев от роду восемнадцати лет, успел за недолгое правление заслужить славу одного из безумнейших императоров. Печальную славу Калигулы и Нерона, к которой эти сомнительнодостойные мужи Рима шли – в случае Нерона – десятилетиями, подросток Гелиогабал снискал за каких-то пять лет.

– Позволь прервать тебя, – вмешался Паласар, которому показалось, что сомнения в знакомстве с историей римских императоров нанесли непоправимый урон его обширным познаниям. Этими скудными сведениями боялся смутить его великий волшебник?! Только не это. Познания его возопили о беспощадной мести, и она обученным соколом обрушилась на голову Мельхиора, которому еще причиталось за Индру с Матали, – но, по моему едва ли достойному внимания мнению, сравнение с халифом аль-Хакимом (Мельхиор поня-

тия не имел, кто это) было бы более уместным, поскольку до границ Римской империи от нас куда дальше как в категории пространства, так и в числе прожитых поколений, а вышеупомянутый аль-Хаким не только стал халифом в возрасте одиннадцати лет, но и произошло это не так давно – в 996 году от рождества предпоследнего пророка.

Паласар уже скитался по свету и видел аль-Хакима во плоти. В те времена династия, последним потомком которой был Мельхиор, только пришла к власти.

– С моей стороны, – продолжал Паласар, – упоминание праведного Христа было неуместно рядом с именем аль-Хакима, ведь именно последний, страдая, видимо, от некоторых расстройств душевных и – не исключаю – умственных сил, положил начало жестоким гонениям на иноверцев в мусульманских землях. Гонениям доселе невиданным, которые с тех пор превзошли разве что крестоносцы, гонениям, дошедшим до разрушения иерусалимских храмов и даже до столь низких дел, как погромы кладбищ, чего не происходило ни при крестоносцах, ни при римлянах. Однажды последние, конечно, засыпали Карфаген солью… но прости, я прервал тебя.

Паласар смиренно опустил голову, посчитав свой долг чести на сегодня выполненным.

– На чем я?.. – задумался Мельхиор, неожиданно для себя получивший такую взбучку неведомой для себя историей Халифата. – Короче, этот рок раннего юношеского безумия не тронул Андзора. Его город был небольшим, как и власть, которой он поначалу пользовался. К восемнадцати годам он только и успел, что стравить между собой старых покровителей, стать покровителем новых ставленников и на их силе утвердится в роли единоличного, суверенного, абсолютного деспота. Фраман Радж, хозяин нашего дома, был одним из генералов пятнадцатилетнего Андзора. Пожившему на свете Раджу хватило ума вскоре после заговора удалиться от дел государственных к делам семейным и тем избежать попадания в безжалостные жернова придворных перестановок. Теперь Андзор зрелый муж, политик, играющий в союзные договоры и междоусобные войны, деспот, радеющий о славе своего трона и раздающий земли сторонникам, а Фраман Радж довольствуется положением надима, что значит…

– Сотрапезник, – снова закончил за спутника Паласар. – Мне знакомо положение надимов, которых халифы и шахи приглашают к столу, когда хотят побеседовать об отвлеченных вещах или испросить совета от негосударственных людей, не вовлеченных до нутра кишок в дворцовые интриги. У некоторых правителей я сам имел честь недолго столоваться в этом почетном, но переменчивом статусе, поскольку рассказчики историй и поэты бывают в большой чести у тех, кто покровительствует искусствам и простирает длань презрения художникам слова.

Получив вторую справку, Мельхиор рассказал историю Фраман Раджа, но Паласар сомневался, что очередному успешному воину найдется место в его свитках. Андзор шах хоть и заурядный, но по чину имеет право пополнить его коллекцию деятелей исторических.

Так за разговорами они просидели в чайхане до сумерек. На Мельхиора нашло болтливое настроение, что часто случалось с собеседниками Паласара. Он поведал ему историю своего детства и кое-что из приключений, отбирая самые безобидные случаи, причем некоторые из них он приукрашивал настолько, что они никогда не могли сойти за правду.

Нет ничего страшного в том, что Паласар узнает малость о магических способностях Мельхиора. В этом краю каждый фокусник безбоязненно выдавал себя за знатока Искусства и каждый звездочет мнил себя хранителем великих тайн Судьбы. Однако Паласара Мельхиор вокруг пальца не обвел. Тот был наблюдателен и по одному трюку с платком определил, с волшебником какой величины и силы свела его на этот раз бесконечная дорога странствий. Йоги, факиры, дервиши, пророки гностических учений, мистики учений пошире и побогаче, заклинатели змей, вызыватели духов… В этом ряду Мельхиору не место.

Внезапно внимание волшебника привлекло что-то внизу. В толчее нижнего этажа, где ели и пили простые горожане, показался кто-то необычный. Мельхиор осмотрел толпу с помощью заклинания истинного видения и заметил одного из тех, кого искал. Человек в белом одеянии торговца или распорядителя передавал деньги стражнику, с которым утром беседовал в переулке Паласар. Стражник, как и утром, был самым обычным, но его щедрый собеседник был совсем не тем, кем представлялся. Под лицом человека скрывалось серое, незнакомое Мельхиору существо, скорее не из нашего мира, которых он уже видел в городе.

Под произнесенным заклятием, хотя оно было – должно было быть! – невидимо для всех, лжеторговец в белом халате почувствовал себя неуютно. Он подозрительно огляделся по сторонам, но не поднял головы, чтобы взглянуть на верхние ряды, и ничего странного вокруг себя не увидел. Все же чутье заставило его покинуть подозрительную чайхану. Коротко обменявшись репликами со стражником, лжеторговец скорым шагом вышел на площадь, а стражник, довольно взвесив в руке холщовый мешочек, пошел распоряжаться насчет еды.

– Оставайся, – сказал Мельхиор Паласару, поднимаясь с ковра. – Приходи завтра утром, надеюсь к тому что-нибудь разузнать.

– А… – протянул рассказчик историй, но волшебник уже скрылся за спинами, и не успел Паласар глазом моргнуть, как его спутник бесследно растворился в толпе.

Лжеторговец шел кривыми переулками, но Мельхиор уверенно следовал за ним. Мельхиор подумал, что первый раз ему удалось накрепко зацепиться за странного гостя и он наверняка проследит его до убежища, но после нового поворота белый халат бесследно исчез. Волшебник вдохнул воздух и заметил, что хотя лжеторговец и растворился в сумерках, но оставил кое-что после себя. Оставил для него. Небольшое заклинание, совсем крошечное, тонкую ниточку, что пересекала улицу чуть ниже колена.

Ловушку можно перешагнуть, но оставлять зловредное заклятие на улице опасно. На него мог наткнуться ничего не подозревающий житель окрестных домов. Мельхиор сорвал ногой ниточку, приводящую ловушку в действие, и назначенное ему заклинание беззвучной молнией озарило вечерние сумерки. Иного горожанина разряд мог убить, Мельхиор же спокойно пригладил вставшие дыбом волосы, разогнал рукой поднявшийся после хлопка дымок и двинулся дальше под заинтересованные взгляды высунувшихся в окна жителей.

Он вышел на небольшую площадь на перекрестке двух переулков. В середине стоял аккуратный колодец из желтого камня. У колодца о чем-то оживленно спорили два ремесленника. Один пытался заглянуть в колодец. Делал он это так усердно, что приятелю приходилось то и дело оттаскивать его за пояс курты, чтобы тот нечаянно не свалился вниз.

– Что интересного нашли вы в презренном колодце в столь поздний час? – спросил у них Мельхиор с видом пьяной благожелательности, которая могла оправдать его собственный интерес.

– Верите, нет, сейид, а только сейчас мы видели, как какой-то торговец прыгнул в этот колодец! – сказал тот, который заглядывал вниз.

– Тебе померещилось, – отвечал второй.

– Во, дурак – твой друг! Конечно, померещилось, – воскликнул Мельхиор и похлопал по плечу первого ремесленника. – Свались торговец в колодец, он стал бы орать так, что во дворце бы услышали. Так бы заголосил, будто кожу живьем снимают.

– Слушай умного человека! – поддакнул второй.

Первому ремесленнику пришлось, почесав в затылке, согласиться.

Почесав щетину на подбородке, Мельхиор приободрился. Один колодец есть. Наверняка он питается водами подземной реки и ведет в пещеры под городом. Но вниз сейчас лезть не стоит, да и домой можно не торопиться. Дом Фраман Раджа, подобный небольшой

крепости, закрывался на решетки и засовы много позже заката. При опоздании волшебнику не составит труда пройти через закрытую дверь, а загадка прокаженных сама не разгадается. Он решил оставить колодец и продолжить с того места, где они повстречали забитого камнями беднягу.

Мельхиор долго слонялся по улицам, но ничего нового о прокаженных не выведал. Один раз он приметил в темном переулке двух оборванцев, замотанных в рубища. Он подумал, что фортуна повернулась к нему лицом, но едва произнес заклинание, понял, что ошибся. Это были дервиши. Телесный недуг им заменял недуг умственный, за который Мельхиор почитал подвижничество аскетов любого толка.

Оставшийся в чайхане Паласар преуспел в поисках не меньше своего нового друга, и сделал он это не сходя с места: все успехи свалились на него прямо в чайном доме, на той же циновке, где он сидел, когда расстался с волшебником.

Случилось это так. После боя барабанов, означавшего конец торговли на базаре, в чайхану забрели два торговца, чью перебранку Паласар слышал днем. Торговцы болтали, как лучшие приятели, оставив раздоры под навесами базарных рядов. Они сели рядом с Паласаром и, не замечая его, стали обсуждать сегодняшнее происшествие. Молодой торговец в пятый раз рассказывал, как они толпой побили прокаженного. Торговец постарше согласно кивал и соглашался.

– Хотел бы я знать, откуда они вылезают, – вздохнул молодой.

– Зачем? – спросил пожилой.

– Чтобы держаться подальше от этого забытого Аллахом места, вот зачем.

– Тогда это будет нетрудно.

– Ты знаешь?

– Они живут в ущелье за городом.

– Оно далеко за стенами. Как же они попадают в город?

– По подземным ходам.

– И ты знаешь, где ходы выходят на поверхность?

– Думаю, много где, – ответил пожилой. – Когда я был мальчишкой, мы знали один ход под языческим храмом рядом с мечетью в старом городе, да только он давно заколочен, и не найти его в закоулках.

– Языческий храм рядом с мечетью. Чудеса! Не слыхал, чтобы язычники строили здесь храмы.

– Давным-давно строили. Может, еще до мечетей. Может, не язычники, а персы, китайцы или индусы. Для правоверных они все одно – язычники.

– И христиане?

– А ты не слыхал? У них же три бога! По одному на каждый возраст. В молодости они поклоняются Любви и Сыну, в зрелости – Строгости и Отцу, а в старости, отходя в мир иной, размышляют о Духе и Святости. Пожалуй, все язычники, кроме иудеев. Они хотя бы люди Книги.

От такой трактовки у Паласара покраснели уши. Он сделал над собой усилие, чтобы не вмешаться в поразивший его нелепостью богословский экскурс. Рассказать бы им про мутазилитов, на полном серьезе разделявших Аллаха и Волю Аллаха как разные сущности. А слышали ли они про исмаилитов, увеличивших количество эманаций Аллаха до десяти? Но не дело превращать чайхану в медресе, поэтому ни слова! Ни единого слова! Вместо просветительских объяснений он кивком головы выразил признательность судьбе, которая подослала ему болтливых торговцев, жестом подозвал чайханщика, молча расплатился и оставил чайхану, чтобы в веселом расположении духа вернуться в дом Фраман Раджа.

Глубокой ночью ни с чем вернулся волшебник. Его бессонница в обычный час вступила в свои права, и в шахматной зале опять горели свечи, но Паласар не рискнул тревожить

задумчивого полуночника и приготовился встать пораньше, чтобы не тратить драгоценное время, которое Мельхиор собирался потратить на поиски. Если бы Паласар знал, к чему приведут эти поиски, он в ту же минуту оставил бы город, чтобы записать печальную летопись на безопасном отдалении, в нескольких днях пути от этого проклятого места.

Утром Паласар постучал в дверь Мельхиора еще затемно Ему не ответили. Тогда он постучал еще, потом еще и вслед за этим еще несколько раз. Наконец вчерашняя служанка отворила перед ним дверь. Служанка была голой, лишь несколько тонких золотых цепочек украшали ее лодыжки. Паласар с приятным млением погладил взглядом прекрасное создание от пальчиков ног до… он собирался не спеша добраться от пальчиков ног до лица, но его взгляд удивленно замер на линии схождения ног. Ни волоска! Невиданно! Конечно, когда-то и у жены Паласара не было волос, но его жена вошла в дом мужа почти ребенком, а у этой бесстыдницы в ее-то летах!

Тем временем служанке надоело быть предметом столь пристального внимания. Голая кошечка потянулась и отправилась в спальню Мельхиора. Паласар последовал за ней и увидел, что волшебник недалеко от нее ушел. Мельхиор в чем мать родила потягивался на ложе, собранном из десятка одеял, и, увидав гостя, без смущения приподнялся на локте.

Паласар пришел слишком рано. Законы приличия, как железные цепи, сковывающие людей при свете солнца, еще не взошли на трон деспотичных хозяев наших мыслей и поступков, и его новый товарищ с любовницей блаженно пребывали во власти короткой ночной непосредственности.

– Подай мой халат, – с нежностью, которую в Мельхиоре не заподозрил даже зоркий до людских характеров Паласар, попросил волшебник. – Пора собираться, мой друг, – добавил Мельхиор. Паласар не разобрал, относился ли «друг» к нему или к служанке. – Нас ждет долгий день.

Пока Мельхиор умывался, отливал в ночную вазу и одевался, Паласар погоревал, что ему такую служанку хозяин не выделил. Конечно, положение Мельхиора было выше. К слову, денег у Паласара достанет подобрать в городе порядочную блудницу, но блудница наверняка будет лохматой, как персидский кот… Да и совсем это не то что приличная служанка из хорошего дома…

– Ее зовут Аридуашни, – словно прочитав мысли Паласара, прокричал волшебник из купальни между всплесками воды (так они и в ванной мылись вместе!), – что в переводе означает…

– С упругими грудями, – в который раз закончил Паласар. – Санскрит, если не ошибаюсь.

– Ты знал это?! – изумился Мельхиор. – Земля и небо, сколько же ты всего знаешь! Мне она сама рассказала.

Если бы волшебник имел хоть малейшее представление о том, сколько на самом деле знает Паласар, то оставил бы эту неисчерпаемую водяную мельницу сведений сидеть дома и досаждать своими познаниями Аридуашни, но так далеко его возможности читать Паласара не простирались, поэтому, закончив собираться к выходу, он потащил рассказчика историй в город.

Они углубились в старые кварталы. К площадям, окружавшим шахский дворец с четырех сторон, старый город примыкал с востока, его тощие змеящиеся улицы столетиями не видели чертежных пергаментов архитекторов и латунных отвесов каменщиков. Даже мостовые были настолько кривы, словно их не перекладывали со времен Дария. Мельхиор хотел отыскать колодец.

Когда колодец нашелся, Паласар скептически заглянул внутрь:

– Да простятся мне сомнения, мудрейший, но трудно поверить, что прокаженные выбираются из этого колодца.

– Этот лаз ведет в подземелья, в пещеры, но я не говорил, что им пользуются прокаженные.

– Кто же им пользуется? И как мы воспользуемся им?

– Да, тебе это будет сложно.

– Тогда не лучше ли двинуться к убежищу, которое должно находиться где-то поблизости?

– Ну если ты знаешь, где это убежище, то можем сходить туда.

– Оно расположено в старом городе, в месте, где рядом есть старая мечеть и еще более старый храм, парсийский, как я подозреваю. В этом храме и есть ход в подземелье.

Мельхиор уставился на Паласара, гадая, как этот словоохотливый всезнайка смог в кои-то веки узнать что-то действительно нужное.

– Подслушал вчера ненароком разговор местных жителей, – похвалился Паласар. – Тех двух крикунов с базара: «Я твой ишак на шампуре вертел!» – передразнил Паласар. – Так известно ли мудрейшему какое-либо место в старом городе, что подходит под описание?

– Нет, я не настолько знаю город.

– В таком случае разговорим лавочника, – предложил Паласар.

– Какого лавочника? Не тех ли двух?

Не хотелось Мельхиору возвращаться на базар-у-дворца.

– Нет, здесь нам любой сгодится, – улыбнулся Паласар и зашагал по улице в поисках лавки.

Мельхиор, к своему неудовольствию, выслушал еще один ожесточенный торг между Паласаром и случайным торговцем. Рассказчик историй затеял эту ненужную покупку с тем, чтобы аккуратно вплести в разговор несколько вопросов о здешних достопримечательностях. Через четверть часа товарищи стали обладателями никчемного пыльного опахала и самых подробных сведений о единственном в старом городе месте, где мечеть соседствует с парсийским храмом.

Несколько переулков спустя Паласар заметил цель их утреннего похода. Небольшая старая мечеть притаилась среди домов, таких же древних, как она. Друзья остановились перед мечетью, и Паласар придирчиво рассмотрел архитектуру.

– Не иначе постройка «золотого века», – воскликнул рассказчик историй. – Подумать только, три столетия, как эти земли перестали относиться к владениям великого Халифата, а мечеть в память о тех светлых временах еще стоит.

– Если я правильно помню, нам туда, – волшебник указал на постройку напротив.

Напротив мечети стояло нечто не менее внушительное, но почти незаметное, поскольку стены постройки не отличались от окружавших его домов. Не отличались на первый взгляд. Приглядевшись внимательнее, рассказчик историй разглядел в доме странный храм, сложенный из исполинских камней. Кладка была настолько искусна, что стена выглядела монолитной и не привлекала внимания.

– Шесть веков, как отсюда выгнали парсов, – передразнил Мельхиор, – а их капище до сих пор стоит.

– Неудивительно, – вздохнул Паласар, – хотел бы я посмотреть на того строителя, кто рискнет разобрать этакую громадину.

Шесть столетий. Для человека, видавшего пирамиды, это не много, но здесь, на задворках мира, лишь изредка посещаемых выходцами великих культур, и шестивековое капище казалось стоящим от Сотворения мира.

– Не знаю, были ли те времена светлыми или нет, меня тогда еще на свете не было, – признался волшебник, – но, думаю, на обратном пути ты меня просветишь, а пока осмотрим внутренности этого примечательного места.

Приложив руку к двери, Мельхиор сосредоточился. В глубине дерева щелкнул замок, и плотно подогнанная дверь отворилась перед ними.

Глава 2. Подземелья

Из темного проема тянуло прохладой и сыростью. Тянуло сильно, как при сквозняке.

– Пойдем, рассказчик историй, – позвал Мельхиор и шагнул в темноту. – Не знаю, друзей или врагов мы тут встретим, но в опасности советую бежать не оглядываясь.

– Оставить тебя одного? – спросил рассказчик историй, делая шаг следом.

– Именно. Если забота обо мне – твое самое тяжкое бремя, бросай его в первую очередь, хотя, кажется, все обойдется: тут тихо. – Пауза. Действительно тихо. – Брось ты это опахало!

За дверью находилось небольших размеров святилище с алтарем, покрытым пылью, кусками штукатурки и птичьим пометом. Стены были невообразимо толсты – толще человеческого роста, по наблюдению Паласара. Они съедали значительную часть строения. Глаза Паласара постепенно привыкли к темноте. Где-то сверху было забранное решеткой окно, тень от решеток лежала на стене поверх светлого пятна. Окно служило единственным путем для света и воздуха. Если бы на улице было шумно, то через окно и часть звуков попадала бы внутрь, но в старом городе всегда стояла тишина.

Святилище давно заброшено. Не осталось ни мебели, ни утвари. Только по каменным узорам можно было догадаться о предназначении капища, да и скупые узоры говорили только с человеком, знающим о парсах не меньше Паласара. Когда-то храм выглядел торжественно и сурово, но сейчас мрачная камера более всего напоминала склеп, недоставало только покойников.

– Поразительно, – воскликнул рассказчик историй, когда осмотрелся, – это все построили парсы, первые последователи единого Бога, открывшегося их пророку Зороастру под именем Ахура Мазды.

– Он помнил, хоть не без греха, из книг Авесты два стиха, – перебил Мельхиор, вспомнив одну шуточную поэму. – Послушай, я разглядел твою манеру к сообщениям и надеюсь, ты не хочешь рассказать мне все, что тебе известно о зороастрийской вере, потому что тогда нам придется остаться в этих катакомбах до конца праздника.

Получив нагоняй, Паласар притих и не спросил, о каких катакомбах идет речь. Бегло оглядевшись по сторонам, Мельхиор не заметил ничего интересного, узоры на стенах и остатки фресок с ним не разговаривали. Его не заботило, что они могли рассказать. Наверху ровным счетом ничего. Значит, надо спускаться под землю.

– Нам туда, – указал волшебник на узкий проход, уводящий куда-то вниз.

– Туда? – переспросил Паласар. – Там темно, а у нас ни лампы, ни факела.

– Не говори, что ты еще и в темноте не умеешь видеть, – усмехнулся Мельхиор.

– Совсем не умею, – растерялся Паласар. – Вообще я много чего умею – например, седлать верблюда и переводить с персидского. Готов без ложной скромности заявить, что после некоторой тренировки у меня получилось бы делать и то и другое одновременно, но вот умения видеть в темноте и дышать под водой мне с детства не давались.

– Держи, ездок на верблюдах! – волшебник бросил Паласару перстень. – Поверни кольцо на седьмой месяц, и будет свет.

Замысловатый перстень оказался в руках Паласара. Пока рассказчик историй изучал хитроумную магическую штуковину, Мельхиор исчез в черном проеме. Паласар услышал его шаги по лестнице. Лестница – это хорошо. Парсы – молодцы, удосужились построить лестницу, с них станется оставить грубо прорубленный в стене лаз. Времена тогда были не то что сейчас.

Однако чем глубже уходила лестница, тем круче становились каменные ступени, и пропорционально их растущей высоте ухудшалось мнение Паласара о парсах. Волшебный пер-

стень на руке светил достаточно ярко, однако, чтобы не сверзиться с лестницы, приходилось обеими руками упираться в стены, поэтому чаще всего перстень светил рассказчику историй прямиком в левый глаз, что нисколько не помогало древним парсам вернуть утраченное расположение Паласара.

Лестница кончилась узким проходом, который вел в небольшое, два на два человеческих роста, подземелье. В нем, ковыряя ногтем клинопись на стенах, дожидался спутника съедаемый нетерпением Мельхиор.

– Так вот о каких катакомбах ты говорил, – понял Паласар.

Из четырехугольной комнаты уходили четыре узких хода. По одному они пришли, оставалось три.

– Ты знаешь, что тут написано? – продолжил рассказчик историй, указав на стены.

– Я даже не знаю, какой это язык, – грустно ответил Мельхиор, так как понял, что захлопнуть рассуждения Паласара о древних народах можно, разве что залив ему в горло жидкое золото, но Мельхиор боялся, что даже эта жестокая парфянская казнь может стать для рассказчика историй не наказанием, а лишь новой темой для обсуждения.

– Весьма обидно, но я тоже, – сознался в неведении Паласар. – Подозреваю, что сарматский, но для него нетипично…

Мельхиор не узнал, что нетипично для сарматского языка, потому что в одном из ходов мелькнул свет, который заставил Паласара прервать разъяснения. Блики колыхнулись на стенах и исчезли. В тишине товарищи услышали тихие удаляющиеся шаги.

– Теперь ты иди первым, – предложил Мельхиор, и Паласар, вздохнув, протиснулся в узкий лаз.

Через несколько шагов он снова различил на стенах отсветы чужого фонаря и почувствовал запах горящего масла. Присутствие за спиной Мельхиора придало рассказчику историй уверенности, и он бесстрашно преследовал ведущий в ловушку отблеск чьего-то фонаря. Скоро он увидел конец лаза, за которым было еще одно маленькое, не больше первого, подземелье. Паласар вылез из каменной кишки, пробитой парсами, и обнаружил, что лаз привел его в тот же каземат, где он изучал надписи на стенах.

У стены, держа в руках фонарь, стоял наглухо завернутый в холщовую одежду прокаженный. Вслед за Паласаром из лаза выбрался волшебник.

– Вот и гости, – сказал волшебник, и словно по приглашению из всех четырех проходов появились люди. – Не бойся, рассказчик, это те, на кого надеялся, а не кого опасался.

Как и первый гость, они были плотно закутаны в одежды из грубого полотна. В подземелье стало тесновато. Прокаженные на это и рассчитывали, но Паласара с Мельхиором не так просто напугать.

– Мир вашему жилищу. – Паласар соединил руки и наклонил голову в почтительном приветствии.

– Оставь свое обхождение, чужак, – отрезал человек с фонарем и медленно повернулся к Мельхиору. Встретившись глазами с волшебником, он спросил:

– Что привело вас двоих в обитель отверженных?

– Хочу знать, почему ваших людей вдруг потащило на поверхность.

– Некоторые из нас предпочитают быструю смерть, – ответил прокаженный, сделав шаг вперед и приблизив фонарь к своему лицу. Паласар увидел, что тот был слеп и смотрел на волшебника белесыми бесцветными зрачками. – Чужим нас не понять.

– Это не причина, – столь же резко ответил Мельхиор, – держи нас за чужаков, но не за дураков.

– Может быть, ты и прав. Что у тебя на уме, незнакомец?

– Иди-ка сюда. – Мельхиор схватил прокаженного за грудки и привлек к себе так близко, что слепец почувствовал на лице его дыхание. – На уме у меня то, что в городе над

нами происходит нечто странное, и вы, лезущие изо всех щелей, одно из звеньев в этой цепи странностей. Теперь подумай хорошенько. Ты можешь рассказать мне, что знаешь, и я помогу вам, если это в моих силах, а можешь остаться здесь живым или мертвым, ибо ни я, ни мой спутник не в вашей власти. Спрашиваю еще один раз: что гонит вас на поверхность?

– Некоторых гонит страх, – ответил прокаженный и рассмеялся.

Он схватил Мельхиора за запястья и легко стряхнул цепкие руки волшебника со своей одежды. Силы ему не занимать.

– И чего могут бояться и так живущие одной ногой в могиле?

– Одной ногой, – повторил прокаженный и усмехнулся: – Это хорошая шутка, чужак. У многих из нас в могиле побольше одной ноги. – Он рассмеялся своей шутке сквозь сжатые челюсти. Сквозь сдавленный смех Паласар услышал скрип зубов. – Они пришли недавно. В ущелье. Тех, кто не успел уйти, убили. Нас они не боятся. Мы их тоже, но нам пришлось покинуть обжитые места.

– Кто это был? О ком ты говоришь?

– Я их не видел, – снова рассмеялся прокаженный через закрытый рот и приблизил фонарь к своим невидящим глазам, – но если ты хочешь помочь нам, я могу отвести тебя к нашей королеве. Смешно, что у нас тоже есть королева, вы не находите?

– А ты тут весельчак, – недовольно пробурчал Мельхиор. – Ладно, веди. У меня нет времени для шуток, – ответил Мельхиор. Он не разделял веселого настроения нового знакомого, но понимал, что для того смех, может быть, единственный способ переносить нынешнее жалкое состояние.

Они прошли узкими ходами и вскоре вышли к подземной реке. Все ходы были рукотворными, но пещера оказалась природной. Ее освещала тусклая масляная лампа, света которой едва доставало, чтобы человек с поверхности мог различить очертания пещеры. Глаза прокаженных привыкли к темноте, а за время нахождения под землей обвыкся и Паласар.

– Где вы берете масло? – спросил Мельхиор.

– Там, – ответил прокаженный, указав пальцем вверх, – ждите здесь, я соберу остальных.

Друзья остались у подземной реки, а их сопровождающие исчезли в ходах. Новые ходы вели много глубже подвала парфянского храма. Их пробили не парсы, а тысячелетняя работа воды, которая, судя по следам на стенах, когда-то поднималась так высоко, что затопляла пещеру целиком и, ища выходы, размывала узкие трещины до такой ширины, что теперь по ним могли передвигаться люди.

– Неуступчивый малый, – заметил волшебник и сел, скрестив ноги.

– Его зовут Хафар, – сообщил Паласар. Пока они пробирались к пещере, рассказчику историй удалось перекинуться с ним парой слов, и на этот раз Хафар оказался не против его обходительности.

От дальнейшего повествования о Хафаре Паласар воздержался, потому что волшебник закрыл глаза и, по предположению рассказчика историй, погрузился в медитацию. Решив не отвлекать спутника от столь важного занятия, он прошелся вдоль реки.

Пещера оказалась интереснее, чем ему сперва подумалось. Во-первых, по ней гулял сквозняк, и по реке можно было куда-то выбраться. Мельхиор, слившись с подземным ветром, изучал именно это. Во-вторых, парсы поработали над пещерой. В стенах были выбиты ниши, которые использовались или как кельи для отшельников, или как склепы для захоронения. Сейчас в нишах лежали тряпки и мелкие вещицы прокаженных, облюбовавших эту пещеру за легкий доступ к питьевой воде.

– Он рассказал тебе, откуда они берут масло? – внезапно спросил Мельхиор, очнувшись от медитативного оцепенения.

– Оттуда же, откуда и еду. У многих наверху остались родные. Они сообщаются через храм. Обычно не видятся. Родственники оставляют еду внутри у входа, а те потом забирают и делят.

– Можно было легко догадаться, – упрекнул себя волшебник. На какое-то время ему показалось, что, поняв тайну сообщения отверженных с миром, он приблизится к разгадке происходящего, но в этот раз взял ложный след.

Измерив пещеру шагами и получив двадцать пять в той части, где высота позволяла ходить, не сгибая спину, Паласар перебрался на другой берег реки. Сильным прыжком он с запасом преодолел водную преграду. С другой стороны шагов вдоль берега набралось двадцать шесть. А в стенах он разглядел новые вырубленные ниши. В одной из них, согнувшись в три погибели, лежал человек. Паласар хотел заговорить с ним, но, прислушавшись к дыханию, предпочел не тревожить хозяина келейки. Тот доживал последние часы, и если ему повезет, то он отойдет в иной мир во сне.

Из ходов показались люди. Паласар прыгнул обратно к волшебнику и стал разглядывать собравшихся. Всего набралось человек шестьдесят. Хафар вел под руку старую женщину. По легкой тени почтения, с которой на нее смотрели остальные, легко было догадаться, что это королева и есть, причем особого пиетета, кроме самого формального, ее подданные к ней не испытывали. Когда королеву усадили на камень, покрытый затертым до дыр персидским ковром, она окинула пронзительным взглядом голубых глаз окружавшее ее собрание и, обращаясь к Мельхиору, спросила:

– Вы и есть те самые чужаки с поверхности?

– Вопрос риторический, ваше величество, – ответил Мельхиор.

– Бросьте ваш придворный этикет, уважаемый, – остановила его королева. Резкие нотки ее голоса очень напоминали Хафара. «Родственники?» – подумали Мельхиор и Паласар одновременно.

– Когда я была в силе, факиры вроде вас ползали по полу и целовали мой перстень, прежде чем получали разрешение заговорить.

– Какая резкая перемена, – усмехнулся в ответ Мельхиор. Эта женщина стала ему симпатична, в ней чувствовалась сила. – Смею заверить, что если бы ты хоть раз встретила факира *вроде меня,* – Мельхиор подчеркнул свою значимость, выделив эти два слова, – то твоя судьба сложилась бы более счастливо.

– Тебе ли под силу изменить ход колеса Судьбы?

– Мне – да.

«Что это? – встревожился Паласар. – Уж не флиртуют ли они?»

– Ладно, оставим восхваления. Хафар сказал, что вы готовы предложить нам помощь, пусть мы в ней и не нуждаемся, и взамен, наверное, попросите об услуге. В чем ваше дело?

– Сейчас мне от вас ничего не требуется. Только не мешаться под ногами. Меня интересуют пришельцы, которые загнали ваших людей под землю. Я уже знаю, откуда они являются, и собираюсь к ним. Все, что мне надо, я надеюсь получить от них.

– Кого ты видишь перед собой, не боятся пришельцев. Но нас много. Куда больше, чем пришедших сюда. Есть среди нас те, кто готов рискнуть наверху, лишь бы не попасть к ним. Нас выгнали из ущелья, сейчас они заняли почти всю реку под городом и ту часть, что проходит под дворцом, тоже, но здесь, под храмом, нас не трогают. Пока будет так, мы не пойдем на улицы.

– Тогда мой совет: оставайтесь здесь. Мне надо поговорить с моим спутником.

Королева, не ответив, махнула рукой. Мельхиор и Паласар отошли.

– Она не похожа на прокаженную, – поделился подозрением Паласар.

– Болезнь не в ее коже, а в костях и суставах, – ответил Мельхиор. Заклинание истинного видения он произносил по многу раз на дню.

– Скрытая форма, – многозначительно заметил Паласар, будто не повторял уже изреченное суждение, а набирал очки авторитета на врачебном консилиуме.

– Я отправлюсь поглядеть на пришельцев, а ты возвращайся в город. Против них ты мне не помощник.

– Разумное предложение, – облегченно вздохнул рассказчик историй. Он любил приключения, но у него не рождались желания рисковать ради них головой.

– Встретимся за ужином у нашего хозяина.

– До вечера.

– До вечера.

Мельхиор юркнул в темноту пещеры, и местные жители, чье зрение было сродни кошачьему, увидели, как он растворился в тени. Они не поверили глазам, приняв исчезновение волшебника за игру теней, но прошло время, и волшебник не появлялся. Мельхиор, конечно, не исчез и не растворился. Он же был не из тех, кто колет орехи кузнечным молотом. Волшебник просто обратился в летучую мышь.

В подземелье под парсийским храмом дороги волшебника и рассказчика историй на время разошлись. Паласар в сопровождении Хафара поднялся по крутой лестнице в храм и оттуда знакомой дорогой вернулся в дом Фраман Раджа. Мельхиор в теле летучей мыши миновал многочисленные изгибы подземного потока и нашел уютное место на потолке круглой пещеры, над головами тех пришельцев, чьи замыслы в настоящий момент интересовали его более всего.

Зацепившись лапками за кальцинированный выступ, Мельхиор обернулся крыльями и вслушался в идущий под его головой разговор. Говоривших было трое. Редкий, древний язык, язык не этого мира. Волшебник, никогда не покидавший пределов посюстороннего, не слышал его со времен обучения. Не позабыл ли он его? Нет. Пока говорившие не декламировали од и не углублялись в вопросы философии, понимать их речь было нетрудно.

Первого звали Пепел, второго – Космы (Мельхиор прозвал его Косматым), третьего – Вельхфрунг (Мельхиор не знал, что значит это слово и значит ли оно что-то вообще, в конце концов, не все обязаны иметь говорящие имена). Все трое сбросили покровы иллюзий, под которыми волшебник видел пришельцев в городе. В пещере под городом они чувствовали себя в безопасности. Серые, нечеловеческие головы пришельцев нелепо торчали из дорогих одежд. Пепел и Вельхфрунг были одеты по моде. Пепел щеголял в знакомом белом халате и белой чалме горожанина торгашеского сословия, а Вельхфрунг, как нахохлившийся попугай, нес на себе шелка и злата высшей знати. Косматый, напротив, был облачен в диковинный наряд из чешуи и кожи, расшитый слюной пауков. В городе он был бы слишком заметен, поэтому вряд ли его владелец часто выходил из пещеры, разве что ночью.

– Семьдесят тысяч в городе, – отчитывался Пепел, – тридцать тысяч под стенами, еще несколько тысяч в дороге. Этого будет достаточно для жрицы.

– Для великой жрицы никогда не достаточно, – отрезал Вельхфрунг, – как и для Вечного.

– Она не забывает неудачи на сапоге, – заметил Косматый. – Пора бы перерасти прошлое.

– Она перерастет, когда убийца племянницы будет найден, – ответил Вельхфрунг.

– Убийца до сих пор не найден? – спросил Косматый. – Хотя если бы он был найден, вы бы пели об этом, как на рождении.

– Не найден, – равнодушно ответил Вельхфрунг. – Им никто не занимается, все готовят предстоящую жертву. Потом вернемся и к нему. Правосудие – это месть, месть – это долг, а наш род платит по долгам.

Иерархия говорящих не показалась Мельхиору ясной. Пепел был исполнителем, возможно высокого ранга, но каковы отношения Вельхфрунга и Косматого? Сначала Вельх-

фрунг взял лидерство. Косматый не обладал подавляющей силой и аристократическими замашками Вельхфрунга, но на словах не уступал ему. Их отношения были в большей степени горизонтальными. Мельхиор почесал себя коготком за ухом (одно из немногих удовольствий, доступных летучим мышам). Всегда сложно бороться с обществами без четких иерархий: отрубишь одну голову – на ее месте девять новых, и каждая сама по себе.

– Как дела у шаха? – спросил Косматый.

– Все хорошо. Совет визирей наш, никаких подозрений ни при дворе, ни в городе. Ждем завтрашнего дня, – ответил Вельхфрунг.

– Я жду только послезавтрашнего, – проворчал Косматый, у которого все давно было готово. – Слышал, у вас появились нежданные гости?

– Занимайся тем, что под землей, а под луной мы сами разберемся, – не поддался Вельхфрунг, но все же решил попотчевать Косматого крупицей сведений: – Завтра гость будет у шаха. Шах хочет использовать его, тут и мы посмотрим, что с ним можно сделать. Вплетем его узелок в наше кружево или бросим в костер.

У Мельхиора закралось подозрение, что сейчас пришельцы говорят про него, но нельзя быть уверенным. Люди часто принимают на свой счет то, что не имеет к ним ни малейшего отношения. Всем знакомое заблуждение человеческого ума хорошо известно и волшебнику. Пришельцы говорят намеками, лишь им понятными в точности. Речь у них могла идти про кого угодно, но подозрение стоит оставить.

Трое собеседников замолчали. Они долго стояли без движения, как никогда бы не стали стоять люди. Они ждали. Чего? На секунду, когда Мельхиор моргнул, ему почудилось, что пещера не то, чем кажется, что все кругом хитро задуманная иллюзия. Произнести бы Истинное видение, но из летучей мыши он никогда не колдовал таких сложных заклятий. Кроме того, пришельцы имели ярко выраженную магическую природу и могут заметить постороннее колдовство.

– Она здесь. Жрица, – тихо проговорил Вельхфрунг.

«Так вот что это было, – догадался Мельхиор, – это открывался проход, через который прошла жрица, и тогда иллюзию чуть подернуло».

Тем временем Пепел встал на одно колено и положил лоб на второе, а Косматый с Вельхфрунгом склонили головы. В пещеру вошла та, кого называли жрицей. Ничего такого уж великого Мельхиор в ней не увидел. Еще более странный наряд, чем у Косматого: длинный плащ из кишок крупных грызунов, короткий посошок в духе египетских. Лицо… Мельхиор понял, что с трудом различает мужские и женские лица пришельцев, поэтому красива была жрица или нет, судить не мог.

– Все готово к великой жертве, – поднял голову Косматый, но жрица сделала ему знак молчать.

Она неуверенно обернулась, прошлась взглядом по стенам, скользнула глазами по летучей мышке и подняла за подборок Пепла.

– Разведка города нашла незнакомца?

– Еще нет, – ответил Пепел, поднимаясь на ноги, – это задание не относилось к важным. Он видел только меня. Прикажете сосредоточиться на нем?

– Нет необходимости, дурачок. Он уже нашел нас. – Последнее предложение великая жрица выкрикнула с силой, которую было сложно ожидать от такого хрупкого тела.

– Где ты, человек? Покажись! – Приказ жрицы раскатами отразился от свода и прокатился по пещере, дойдя до дальних подземелий и вселив немало страха в оставшихся под землей прокаженных.

Подозрение Мельхиора теперь можно выбросить в отхожее место: пришельцы говорили о нем, но это неважно, он раскрыт. Волшебник отцепился от выступа, на котором висел, и опустился перед жрицей на свои человеческие ноги.

– Мой сын не силен в магии, – сказала, словно извиняясь за неловкость, великая жрица и отвесила Вельхфрунгу затрещину.

– Я снял свои покровы, теперь вы снимите ваши, – попросил Мельхиор.

– Ты заслуживаешь видеть, – согласилась жрица, – ведь ты останешься здесь и умрешь всего двумя днями ранее всех остальных.

– Мы думали использовать его, – встрял Вельхфрунг, отчего Косматый вздохнул и покачал головой. – У шаха был план…

Жрица подняла палец, и Вельхфрунг замолк.

«В ней есть что-то прекрасное, – подумал Мельхиор, – и мать, и смерть, как богиня Кали, танцующая на своем муже Шиве… но сегодня мы еще поглядим, кто на ком станцует».

Жрица взмахнула посошком, и пещера вспыхнула ярким светом. Пространство вокруг было аккуратно расчищено. Пол выровнен, на его поверхности читался сложный оккультный узор, служивший еще не понятному Мельхиору замыслу. Кроме узора он обратил внимание на царапины, как будто по полу передвигали каменные глыбы, вместе с узором царапины образовывали некую гармонию, но волшебник не разобрал, в чем тут дело, потому что его внимание привлек потолок. Он был мутно-прозрачен, словно сделан из кварцевого стекла. Сквозь верхний свод открывался вид на внутреннюю залу шахского дворца. По зале как ни в чем не бывало ходили и спешили по своим делам люди. Придворные, слуги и стража не замечали под собой ничего особенного, из чего Мельхиор заключил, что прозрачен свод только в одну сторону.

– Много сил ушло, чтобы сделать такое, – похвалил Мельхиор. – Могу я спросить зачем?

– Наш друг, Косматый, непревзойденный мастер в обустройстве, – ответила жрица.

– Благодарю, – коротко согласился Косматый.

– Это подземелье мы использовали, чтобы сотворить проход в наш мир. Мы можем проходить через проходы меньшего размера, но к празднику нам потребовался один крупнее. Следы, которые ты изучал на полу, чародей, теперь бесполезны, они отслужили, к чему назначались.

– И что за недобрые намерения привели вас в наш мир?

– Недобрые намерения привели тебя в эту пещеру. Не отрицаешь ли ты, что хотел навредить нам?

– Если угодно великой жрице, я лишь заметил странности и поддался справедливым, в чем могу после увиденного не сомневаться, подозрениям. Остались детали. Кто вы? Откуда? Чем вам не угодил шах или его город?

– Для человека, который нашел нас, ты не смышлен. Тебе известно о доппельгангерах?

– Пожалуй, нет.

– Мы навещаем ваш мир. Ваши души – жертва нашему богу. Мы приходим, проводим ритуал Великой жертвы, он забирает ваши души, и мы уходим. Это не страшно, это было много раз, и вы из столетия в столетие не замечаете нашего присутствия.

– Велика ли обычно Великая жертва?

– Ныне наш бог довольствуется малым – один город со всеми жителями.

– А раньше?

– Когда он сам приходит в мир, он забирает целые народы, погребает под песком страны, опускает под воду континенты. К счастью для вас, эти кровавые времена позади. Сейчас мы служим ему. А вы, с тех пор как отвергли его, служите только как жертвы.

– Его имя?

– Вы нарекли его Баалом.

– Интересно. Ты права, жрица. Люди давно изгнали его, имя едва сохранилось.

– Вы не помните ужаса и страха, терзающего отчаяния, предвестий катастроф. Мы сделали так, что вы их не помните, потому что ему не нужна ваша память, ему нужна кровь.

– Благодарю, великая жрица. Я узнал, что мне нужно. Мы можем перейти к делу.

– Радуйся, чародей, ты не станешь его жертвой, ты просто умрешь.

Мельхиору всегда было интересно, как он умрет. Может быть, сейчас? Может быть, здесь конец? Он может быть где угодно, так почему не здесь? В этом будет и логика, и смысл, и определенная красота. Их четверо, дьявол знает, насколько они сильны. Мельхиор не безупречен, не так силен, как древние маги. Кто знает, в каких мирах он окажется вечером и наступит ли вообще для него вечер. Никто.

– Убейте его, – приказала жрица.

– Позвольте мне, – вызвался Пепел, весь разговор крутивший в пальцах ударное заклятие.

Волшебник прочитал заклинание, которое хотел выбросить Пепел, задолго до того, как тот получил от жрицы одобрительный кивок головы. Хорошенькое, миленькое заклинаньице, которое сделало бы честь любому придворному магу. Пальцы Пепла загорелись от ногтей до ладоней. Взмахнув руками, он бросил в Мельхиора десять раскаленных ножей, способных пробить многие доспехи и отправить к праотцам несколько молодцов. Почему Пепел решил, что заурядное боевое заклинание будет иметь успех против мага? Неизвестно. Мельхиор посмотрел на воткнувшиеся в его кафтан иглы и стряхнул их, как надоедливых мух.

Пепел был напуган. Волшебник почувствовал, как он напуган, услышал, как бьется его сердце, увидел, как кровь пульсирует в венах, ощутил, как нагревается его лицо, готовясь через поры выделить на поверхность кожи похожий на человеческий пот. Еще он почувствовал, как хрупка была шея Пепла, как точно прилегают друг к другу шейные позвонки, внутри которых лежат защищенные лишь тонкими оболочками нервы. Сдвинь позвонки немного, и ведущий жизненные токи нерв лопнет. Мельхиор щелкнул пальцами, и Пепел упал на землю со сломанной шеей. Никакой защиты не поставил. Погиб от простейшей телесной манипуляции.

Чалма Пепла подкатилась к ногам великой жрицы. Вельхфрунг схватился за меч и бросился на врага, но жрица взяла его за шиворот и как щенка отбросила обратно.

– Сначала Косматый, – попросила она.

Великой жрице тоже было интересно, как умрет Мельхиор, но если Мельхиор рано или поздно это обязательно узнает, про великую жрицу этого нельзя сказать. Мельхиор мог ждать, жрица – нет. Послезавтра у нее большой день, и Мельхиору в нем не место.

Загремели по камню кованые сапоги, и перед Мельхиором вырос Косматый. Подземельных дел мастер учел ошибки предшественника и заговорился от магии. Бой с ним грозил разрушениями. Сшибать лоб в лоб защитные заговоры и сильные боевые заклятия в замкнутом пространстве небезопасно, и не в последнюю очередь для дворца наверху. Косматый запустил чем-то тяжелым в Мельхиора. Заклятие впустую громыхнуло по стене. Мельхиор, исчезнув, появился за спиной Косматого, схватил с его пояса кинжал и ударил Косматого в ухо (иногда оружие не хуже магии). Кинжал прошелся по воздуху. Косматого перед волшебником не было. «Быстр», – оценил способности доппельгангера Мельхиор. Сверху раздался нарастающий гул и на волшебника пролился водопад бездымного огня. Мельхиор ветром пронесся к выходу, но на подземный ход доппельгангеры поставили преграду. Пришлось покинуть форму ветра. Огонь продолжал литься сверху. Враги исчезли, заперев его в пещере, которая раскалилась, как жерло вулкана.

Стихийная форма не годилась для бегства из-за преграды, летучей мышке, как и всякой тварной форме, грозило немедленное испепеление, а под щитом в этом пекле можно сидеть до Страшного Суда. Мельхиору ничего не оставалось, как нырнуть в подземный

поток и проворной рыбкой выскользнуть из заготовленной для него печи. С огнем и преградами доппельгангеры ловко придумали, но про реку забыли. Возвратиться ли теперь к ним и воспользоваться внезапностью, чтобы продолжить бой, или вернуться в город и как следует подготовиться к следующей встрече?

Второе. План великой жрицы не должен погибнуть вместе с ним в случае неудачи. Надо все рассказать Паласару, привлечь на свою сторону шаха, и тогда… Что тогда? Тогда будет сделано все, чтобы предотвратить ритуал Великой жертвы, и останется положиться на судьбу.

Мельхиор выбрался из потока и остановился на берегу реки, где первый раз встретился с королевой отверженных. Прокаженные забились по нишам и кельям и, дрожа от страха, слушали звуки, доносившиеся из пещер. Адский котел под дворцом продолжал полыхать. Волшебник задумался об участи прокаженных.

Расставаясь с ними летучей мышью, он подумал о них как о ничего не значащих жертвах, случайно попавших в жернова неизвестного заговора. Одна расплывчатая, еще не оформившаяся мысль потревожила Мельхиора. Может, найдется им место в заговоре. Может, именно они станут камушком, который заклинит эти чудовищные, набирающие обороты жернова?

Этих людей – а по катакомбам их пряталось несколько сотен – выбросили, и даже в изгнании им не дали покоя. В их ничтожестве они не считались даже за помеху, достойную внимания. Пришельцы оставили их ютиться в непосредственной близости от своих проходов. Так много работы в городе и во дворце: визири, шах, пришлые волшебники, что на прокаженных отрядили одного Пепла.

– Что там случилось? – спросил Хафар.

– Ничего хорошего, – ответил Мельхиор, – до праздника опасность от пришельцев вам не грозит, если не будете заходить в их часть пещер.

– Не новость.

– Опасность будет потом, но я подумаю, как с вами быть, – добавил Мельхиор перед тем, как уйти.

Идея того, что нечто маленькое и незаметное может в подходящих условиях оказывать огромное влияние на ход событий, была близка волшебнику: использовать крупицу хаоса, чтобы расшатать точно выстроенный план.

В доме Фраман Раджа ужинали. Семья и многочисленные гости шумно обсуждали предстоящий праздник. У Фрамана было шесть дочерей и один сын (сын, как водится, был младшим, последним). Такое количество дочерей соответствовало данному природой порядку. Считалось, что у шахов рождаются сыновья, потому что большую часть времени правитель проводит среди женщин в своем гареме. У визирей и военачальников, пребывавших в окружении солдат и чиновников мужского пола, по той же причине рождались дочери. Поскольку сыновей у шаха от многих жен бывало по нескольку десятков, это давало возможность заключать равные браки и семейными узами укреплять связь правящей династии с верхушкой знати. К сожалению Фрамана, шах был молод, его старшие сыновья едва входили в отрочество, поэтому своих четырех дочерей Фраман выдал замуж в другие семьи. Сейчас они изысканными беседами развлекали гостей в домах своих мужей. Оставалась надежда на двух младших дочерей, которые были одного возраста с сыновьями шаха, но конкуренция была высока. Постоянные интриги подтачивали счастье Фрамана и заставляли его возлагать на дочерей такое бремя ответственности за семейное благополучие, что девочки выглядели не по возрасту серьезно и скованно.

Паласар с необычайной для такой балаболки сдержанностью отбивал множественные вопросы гостей о том, куда сегодня запропастился его друг и главный гость Раджа. Даже

витиеватые просьбы хозяина дома наталкивались на бесхитростные отговорки, что Мельхиор-де осматривает в городе парсийские древности.

– Великий маг и кудесник нюхает пыль в руинах, до которых нет дела даже крысам?! – восклицал Фраман Радж. – Он предпочел старые камни веселому обществу. Нет, я отказываюсь в это верить! Не таков Мельхиор, которого я знаю! Скорее уж тебя, рассказчик историй Паласар, можно застать за этим душным занятием.

– Безгранична мудрость великого мага, – пожимал плечами Паласар, – любознательность его простирается от далеких звезд, что тайнописью рисуют нашу судьбу на небесных сферах, и до серых камней, воздвигнутых пращурами, что таят в себе загадки седой старины. Кто может знать, что привлекло мудрейшего из живущих под небом к этим руинам? Что за знаки читает он там, где невежды, как я, видят лишь грубые стены? Быть может, ход времени вспять повернув, нашел он беседу с теми, кто не уступит ему в понимании майи.

– Да ты наплетешь! – рассмеялся Радж и пальцами отправил в рот комок обжаренной в оливковом масле манной крупы.

– Ваш гость нахлобучил вас, как этот тюрбан! – встряла в разговор Аридуашни, подносившая чай. Ловким движением руки сдвинула она выходной тюрбан Паласара так, что тот свалился ему чуть ли не на нос. Все гости встретили выходку служанки хохотом. Радж, сдерживаемый законами гостеприимства, не пустил на свое лицо улыбку и только погрозил Аринуашди кулаком. Впрочем, он ограничился предупреждением и не подкрепил угрожающий жест сдвинутыми бровями, что говорило бы о неотвратимости наказания.

Паласар же видел только узкую полоску пола перед собой, но нашел достойный выход из своего положения. Он приподнялся, подобрал под себя скрещенные ноги, так что оказался стоящим перед Аридуашни на коленях, взял ее за лодыжку и воздел к ней покрытые тюрбаном глаза. Он знал, чем смутит проказницу:

Цветок пустыни неприкосновенный
Краса, пленившая меня нескромною мечтой
Любви божественный источник сокровенный
О, имя девичье ты путнику открой

Коль ты цыганка – я уйду к цыганам
Коль чья жена – убить его готов
Коль омываешь мертвых и врачуешь раны
Болезнь и смерть приму – пусти меня под кров

В ответ Аридуашни вырвалась и убежала, а гости оживленно загалдели, обсуждая лирическую красоту найденного Паласаром стихотворения. Даже серьезные дочери Фарадха, зардевшись, переглянулись. Они находили служанку недостойной таких высоких слов; им бы они подошли куда более, но кому, как не служанке, делать поэтические комплименты простому рассказчику историй. Вот если бы Мельхиор…

Волшебник показался в арочном проеме, ловко пропустил мимо себя Аринуашди, неосторожно бегущую на него с кувшином горячего чая. Найдя глазами Паласара, Мельхиор воспользовался всеобщим возбуждением и незаметно подобрался к освобождавшему себя от тюрбана рассказчику историй.

– Прошу извинить меня за недостойное гостя опоздание, Радж, – извинился волшебник, присаживаясь рядом с Паласаром.

– Ну что ты! – спохватился хозяин. – Ты, должно быть, голоден. – Радж любил потчевать.

– Как я понял по обрывкам разговора, мой друг безуспешно пытался раскрыть вам мой интерес к парсийским древностям.

– И что же заинтересовало мага, как говорят, величайшего к северу от Багдада, среди этих осколков старой веры? – спросил кто-то из гостей.

– Нашел одну настенную надпись, не мог оторваться, пока не прочитал до конца, а сарматский язык, как многим известно, сложен для перевода. Поверите ли, они пишут не справа налево и даже не сверху вниз, а слева направо, как римляне и греки! Какая удача, что я вырос именно в этом направлении письма!

Вздох удивления прошел над столом.

– И что же за мудрость содержалась в этой древней надписи?

– О, величайшая, – ответил Мельхиор и, подхватив миску булгура, начал отправлять в рот маслянистые, пахнущие фенхелем, комки.

Все ждали продолжения, и, немного насытившись, волшебник продолжил:

– Сей герметичный текст содержал полные правила проведения лошадного базара, что проходил здесь шесть веков назад каждый день две луны после Нового года. Поверите ли, но, зазывая продавцов, городские власти писали, что лучшего скакуна ярмарки тогдашний шах покупал за его вес серебром, для чего на площади были сооружены специальные весы!

Снова удивленный шепот прокатился над столом. Волшебник легко выдумывал, чем можно занять приземленные умы, а Паласар, только что блестяще выбравшийся из неудобного положения, сам подивился его умению владеть публикой.

– Как ни велики кажутся нынешние цены, глядя на прошлое, видишь, что вашей праздничной дороговизне есть к чему стремиться, – закончил Мелихиор.

– Вот это – настоящая мудрость, – подчеркнул Фраман Радж, как и всякий пожилой человек, грустивший по старым временам. Грустивший не потому, что времена были чем-то лучше, а потому, что тогда он был молод. А шесть веков на кону или пара десятков лет – Радж был не так силен в числах, как в гостеприимстве.

– Вес серебра не может иметь прямого отношения к ценам на лошадей! – заспорил доселе молчавший купец. – Это лишь уловка, чтобы заманить побольше зевак. Не видим ли мы таких же мер в наше время?

Его голос оказался знаком Паласару. Уж не тот ли это важный сейид, чей караван они встретили вчера у городских ворот и который так громогласно ругался за место для верблюдов?

– Возможно, – предположил волшебник, – хотя если лучший конь торгуется весом серебра, не означает ли это, что кони тех же кровей пойдут хотя бы вполовину?

– Совсем не обязательно, – не согласился гость, – хотя я торгую золотом и украшениями, а не конями, но я знаю, что за крупнейший рубин может платиться людскими жизнями в кровопролитных набегах, хотя чуть меньшие мирно торгуются за серебро. Как только что-то становится самым лучшим, хоть на полграна лучше, его цена растет и раздувается на тщеславии, а тщеславие – чувство безграничное.

– Разрешите представить вам моего гостя, сейида Лезаха, – улыбнулся Фраман Радж. – Лезах прибыл вчера из Шираза. У него очень много дел перед праздником, поэтому только сегодня вечером он смог быть с нами.

Волшебник развел руками, признавая поражение:

– Предоставлю купцам изрекать истину о торговле. Пусть каждый остается знатоком в своем ремесле. Я лишь скромный маг.

Он задрал повыше рукава, взмахнул руками, и из ладоней вылетел соловей. Птица неловко вспорхнула над столом, словно хотела показаться гостям, дать им разглядеть свою красоту, описала круг над головой купца и, чирикнув, взлетела под потолок. Гости удивленно

зашумели, а волшебник вернулся к еде. Он был очень голоден: хозяева подземелий, причем обе их фракции, оказались не слишком радушными на угощения.

Ужин подходил к концу. Детей отослали укладываться спать. Фраман Радж с Лезахом удалились в шахматную залу, чтобы вернуться к недоигранной партии. Гости разбредались по своим покоям. Слуги прибирались на столе, уносили посуду, расправляли и убирали в сундуки помятые подушки и шелковые коврики, на которых сидели гости. Погасли масляные светильники, и вскоре Паласар с Мельхиором остались одни. Волшебник размышлял.

– Ты нашел, кого искал? – вывел его из раздумий Паласар.

– Нашел и говорил с ними.

– Что говорят?

– Что городу осталось жить два дня.

– Как это? – Паласар подумал, что волшебник ведет речь в переносном смысле.

– Они готовят ритуал, жертвоприношение какому-то кровавому богу. Весь город со всеми жителями будет принесен в жертву. Они составили заговор и, пользуясь умением менять форму, проникли в окружение шаха. Праздник выбран, чтобы собрать больше жертв в одном месте.

– И что же делать? – воскликнул Паласар, пока в его голове пронеслось, как скорейшим образом добраться из трапезной Фраман Раджа до городских ворот.

– Если б я знал! – развел руками Мельхиор. – Я знаю, что делать мне: пытаться остановить этот кошмар, но сила не на моей стороне, я не вижу верного пути к успеху, хотя свой путь вижу отчетливо. Завтра я буду говорить с шахом, постараюсь вырвать его из-под влияния окружения, если он еще не подменен. Что делать тебе, я не знаю.

– Предупредить остальных.

– Пара смутьянов смутит немногих. Раздача золота, помнишь?

– Об этом я забыл.

– Каждый должен заниматься своим делом. Тебе лучше бежать из города или укрыться в подземельях, чтобы потом рассказать людям нашу историю.

– Предупредить Раджа?

– Он не поверит. Решит, что я пророчествую в духе мистиков, болтающих о божьей каре и конце света. Я же маг, просветленный, а он воевода. Ему бы говорить с лазутчиком. Он уважает меня, но верит собственным глазам, и нельзя его за это упрекать: с лазутчиками и мамлюками он провел лучшие годы молодости, а меня знает недолго.

– Прокаженные знают?

– Еще нет. Завтра тебе надо укрыться в парсийском храме, там спокойно, – продолжил волшебник после долгого молчания. – Я пойду к шаху. Если я не вернусь к ночи, беги из города, когда тьма ляжет на улицы. Прости, рассказчик, что не принес хороших новостей. – Мельхиор поднялся на ноги и пошел к выходу из трапезной. – Я пришлю к тебе Аридуашни. У меня другие заботы в эту ночь, а твои стихи ей по нраву, они имеют поистине магическую власть над женскими ногами. Ты видел, как быстро она выбежала, чуть не облив меня кипятком?

– Как ветер, – механически произнес Паласар. Стихотворное настроение покинуло его со слов «жертвоприношение кровавому богу». Время бежать, а не вожделеть.

Паласар остался один в большой полутемной зале, хранившей отпечаток застольного веселья и смертного приговора. Бежать! За городом большой лагерь, много людей. Можно остановиться в чьем-нибудь шатре, рассказать что-нибудь, что-нибудь послушать. Если не найдется шатра, заночевать под открытом небом, положив вокруг себя колючую веревку из конского волоса, которую из-за нежного брюшка не могут переползли змеи… Паласар рисовал эту картину, хотя про себя решил, что не сбежит. Не сейчас.

Рассказывать истории, которые видел издалека, совсем не то, что рассказывать виденные изнутри, вплетенные в события своей собственной единственной и драгоценной жизни; цена таких историй намного выше. Мельхиор знает, что происходит, и пока он не отослал его, надо оставаться с ним.

Паласар потер лоб и нащупал первую морщину. Опять начинается. Наверное, он единственный человек, который ощутил безжалостность сансары в течение одной жизни. К счастью, он не верил в перерождение; испытывать то, что испытывал он, да еще и на протяжении бесконечного цикла рождений, должно быть, похуже ада, нарисованного воображением христианских отцов. Первая морщина. За ней последуют другие, и Аридуашни будет не смущаться его ухаживаний, а смеяться над ними, и он уподобится волшебнику, покупающему ласки за славу, а не за красоту и умение очаровывать. Хотя не все ли равно за что, хоть за деньги? Нет, Паласару не все равно. Значит, скоро снова в дорогу, даже если б город не был обречен.

В комнате Паласара дожидалась нового поклонника Аридуашни. Она дремала, но как только скрипнула дверь, проснулась, сказала: «Ты долго» – и легла, чтобы Паласару было удобнее. Паласар спровадил ее утром. Настойчиво прогонять не пришлось, потому что Фраман Радж с Мельхиором собирались во дворец на высочайшую встречу и обоим нужна была помощь.

Паласар так не спешил и вышел из дома, когда мостовые, политые с утра поливальщиками, успели высохнуть. В одиночестве побрел рассказчик по городу отыскивать убежище прокаженных. Путь его лежал безлюдными закоулками, а площадь перед шахским дворцом была, как снежная равнина, бела от халатов и тюрбанов. Народ толпился в ожидании, как бы предвкушая завтрашнее празднество. Фраман Радж в белоснежной одежде пробирался через толпу. За ним гордо, как лев, шел блистающий черно-красными с золотой вышивкой шелками Мельхиор. При виде необычных и грозных одежд мистика народ с любопытством расступался.

Стража, оттеснявшая толпу от прохода во внутренний двор, узнала Фраман Раджа, часто ходившего в присутствие, где он сидел надимом, и пропустила его вместе с необычным гостем. Во дворце перед парадным входом в тронный зал стояла толпа людей, которую трудно назвать народом. Все это были люди высшего сословия, приглашенные шахом на последнюю перед праздником аудиенцию. Мельхиору, как и всем, пришлось ждать довольно долго. Военные чины с привычной выдержкой переносили тяготу полуденного зноя, а толстые купцы и богословы едва не шлепались в обморок.

Когда Фраман Раджу и Мельхиору удалось попасть в тронный зал, солнце двинулось к горизонту, но и в тронном зале им пришлось подождать. Распорядитель дворца, именовавшийся на арабский манер хаджибом, важный, как индюк, и разукрашенный, как павлин, отправил Раджа к чинам, а Мельхиора записал мелом на глиняной табличке и поставил в очередь. Волшебник не торопился. Шах Андзор сидел на троне в окружении шести – по трое с каждой стороны – визирей. Все визири были доппельгангерами под личиной людей. Они скупо поглядывали на Мельхиора, стараясь даже движениями глаз не показать интерес, но они знали. Шах же ничего не замечал или делал вид, что не замечает. Он приветствовал поэтов и выслушивал астрологов, в полудреме пропускал мимо ушей отчеты о размещении иноземных гостей и даровал разрешения на торговлю крупным купеческим рыбам, сумевшим подкупами и взятками пробраться в его тронный зал. Наконец глашатай взялся за табличку с именем волшебника и нараспев произнес:

– К стопам высокородного шаха Андзора призывается маг Мельхиор из северных земель!

Мельхиор вышел из толпы:

– Многих побед великому шаху, и да расстелятся в пыли враги его, как я расстилаюсь перед стопами его, – произнес Мельхиор придворную формулу и по обычаю распростерся на полу, дожидаясь разрешения подняться и предстать. Глупые обычаи шахского самодурства, закрепившиеся за много поколений до Андзора, его не смутили. Нынешние правители много разных традиций и уложений – как хороших, так и скверных – сохранили со времен древних персов. Андзор, однако, понимая цену времени, не стал долго держать волшебника на полу.

– Поднимись и предстань, – объявил шах, едва церемониал был соблюден.

Шелковая накидка Мельхиора зашевелилась и подняла его на ноги, так что ему и пальцем пошевелить не пришлось, чтобы оказаться перед шахом во весь рост.

– Неплохо, – хлопнул в ладоши Андзор, – ловкий фокус. Ты мой седьмой маг за сегодня и пока лучший. Если бы не праздник, головы прежних шестерых украшали бы наши колья правосудия у северных ворот. Чем еще порадуешь? – Шах утомился, но был в добром расположении духа. Он надеялся на пару броских фокусов в духе трюка с накидкой.

Шах хотел поскорее найти подходящего трюкача и объявить во всеуслышание о его чудодейственной силе. Лучше, чтобы эта сила была из разряда исцеления болезней, потому что простолюдины больше всего обожают чудесные исцеления. Первые шестеро магов и впрямь никуда не годились. Их магия могла одурачить только самых глупых или бесконечно доверчивых. О том, что седьмой волшебник придет к шаху с другой целью и может иметь иные намерения, Андзору не приходилось задумываться.

– Благодарю за похвалу, великий шах, – начал Мельхиор. – Меня называют магистром иллюзий за то, что я могу превратиться во что угодно.

«Очень недурно!» – воскликнул про себя Андзор и продолжил мысль вслух:

– Если ты сможешь это доказать, то завтра будешь выступать перед толпой на рыночной площади и заберешь столько денег, сколько унесешь, но ни монетой больше.

– Вы слишком высоко оцениваете меня, великий шах. В вашей свите я вижу людей, не менее моего сведущих в искусстве менять обличье. Не желают ли они показать нам свое искусство, перед которым я, возможно, смиренно преклоню голову?

Ропот удивления поднялся в зале. Шах пристально посмотрел на Мельхиора, его лицо нахмурилось, волшебник заметил, что Андзор пришел в замешательство, но не удивился. Подменные визири остались непроницаемы. Один из них встал, чтобы приблизиться к шаху, но тот жестом оставил его на месте.

– Кого ты имеешь в виду?

– Сероликих, что стоят среди нас. Если они неизвестны вам, великий шах, я могу назвать их.

– Тебе не следует говорить, – ответил шах Мельхиору. Надо как-то убрать этого умника, но аккуратно. – Твои слова понятны мне, но темны и могут быть неправильно истолкованы. Я убедился, что ты великий маг. Ты будешь выступать завтра.

– Если великий шах хочет, чтобы я выступал, а не говорил, то мне придется удивить всех и сдернуть пару масок с тех, кто при великом шахе их носит не по праву, – надавил волшебник. Шах что-то знает, или что-то скрывает, или не подает виду, потому что боится за свою жизнь. Надо пробиться к нему.

– Личная аудиенция Мельхиору! – объявил шах, поднялся с трона и удалился, сделав на ходу знак распорядителю. Шесть визирей молча последовали за Андзором. В зале поднялся недовольный гомон. Фраман Раджа засыпали вопросами. Стража застучала древками копий по мрамору, призывая к порядку.

Хаджиб побледнел. Он бледнел всякий раз, когда буква церемонии нарушалась хотя бы неурочным пением птицы или внезапным облачком на солнце. Надо ли говорить, что после внезапного удаления шаха он стал белее самого настиранного халата в тронной зале. Хаджиб

и двое стражей с изогнутыми мечами подошли к волшебнику, и распорядитель сказал ему следовать за ним. Мельхиор с хаджибом и стражей долго шли по дворцу, забираясь все выше и выше.

– Ты неплохой человек, сейид, – вдруг сказал хаджиб, – не ровня тем прошлым, хотя и говоришь непонятно. Не смотри на шаха так пристально, опусти голову, не увиливай – он это чует. Будет сердиться, чуть что – проси пощады и сули откуп.

– У тебя есть основания опасаться за мою жизнь? – спросил Мельхиор, не ждавший, что хаджиб станет говорить о чем-то, кроме заведенных порядков.

– Изменение порядка – это плохой знак. Четвертый раз, как я главный хаджиб, шах прерывает собрание личной аудиенцией. Головы первых двух просителей висели потом на кольях у северных ворот. Третьего, а был он трех недель до вас, вообще больше не видели ни с головой, ни без.

– Спасибо за совет. Тебе я посоветую скрыться из города при первой возможности.

– Мое место во дворце, чужестранец.

Хаджиб распахнул двери в шахские покои, и стража провела Мельхиора внутрь.

Из просторной, но неприкаянно пустой комнаты открывался чарующий вид на город. По знаку шаха хаджиб и стража вышли, двери затворили, и в покоях с Андзором остались только шесть визирей и Мельхиор.

– Что тебе известно? – торопливо спросил шах. – Говори ясно, время дорого.

– Что против вас готовится заговор.

– И кто участвует в этом заговоре?

– Ваши визири, что сейчас рядом с вами. Их поддерживает группа. Они обосновались в подземельях под дворцом и готовят недоброе чернокнижие.

– И тебе известно содержание этого заговора?

– Ему известно, – ответил первый визирь за Мельхиора.

– Тогда ему известно все, – обратился шах к визирю. Тот согласно кивнул. – Когда вы собирались поставить меня в известность? – требовательно спросил Андзор. Шаху казалось, что в своем дворце он еще повелевает кем-то, кроме хаджиба.

– До начала аудиенции мы считали, что его убили, – ответил визирь, – поэтому, увидев его сегодня, мы решили не прерывать собрание и избавиться от него до начала ритуала. Предположительно, ночью.

– Теперь поздно, надо привлечь его на свою сторону, – рассудил шах и снова обратился к Мельхиору: – Я веду сложную политику, которую сразу не понять чужеземцу даже твоих способностей. Мы погрязли в междоусобице. Моя армия воюет на чужбине, наши юноши гибнут за альянсы, которые не держатся и года. Мы воюем, чтобы встретить зиму, но весной мы просыпаемся во рву со змеями и снова боремся, чтобы выбраться из него. И если бы только это!.. На севере поднимает голову новая империя. Лев раздавит нас одной лапой, когда в нем проснется охота к завоеваниям. Мне надоело, что мой город выступает пешкой в игре империй. Я решил заключить альянс, который избавит меня от нескончаемых беспокойств за безопасность. Я нашел нового бога и новых союзников, которые положат конец войнам.

– Этому богу нужна жертва, которая хуже многих войн, – заметил Мельхиор.

– Жертвы окупятся. Сила, которая станет за мной, привлечет под мою защиту намного больше людей, чем погибнет здесь.

– Мы говорим о гибели всего города, – уточнил Мельхиор.

– Нет, всего лишь о горстке черни, собравшейся покутить на мое золото. Через год такого сброда у меня будет вдвое больше.

Шах открыл себя, но как переубедить фанатика? Проще воды Нила повернуть вспять, чем призвать фанатика к благоразумию. Андзор тем временем продолжал восхищаться своей политической мудростью:

– Небольшая цена за годы благоденствия для всех. Я создам новую империю, я организую новую религию, новые культы, новые храмы, новые традиции. Места погибших с радостью займут тысячи новообращенных, которые будут работать на благо будущего и прославлять Баала по обычаям моих союзников. Мы возведем на трон старого бога, которого забыли. Мои союзники рассказали мне о том благе и процветании, которое Баал принес их миру. Если бы ты только знал, что знаю я, ты бы смотрел на меня как на пророка, а не как на тирана. Мы принесем эти блага людям, которые захотят последовать за нами. А если кто-то осмелится пойти против, то судьба черни моего города послужит им предостережением. Да и кто пойдет против пророка, бог которого сокрушает города по его просьбе!

– Бог, разрушающий города… – задумчиво произнес Мельхиор. – Напомни, если память меня подвела, великий шах, но судьба Содома и Гоморры предостерегла не многих грешников.

– Когда пример был перед глазами, она предостерегла многих. («А ты тогда жил?», – подумалось Мельхиору.) Пора напомнить людям, что такое расплата и наказание. Ты можешь присоединиться к нам. Союзники согласны, что ты великий маг, иначе ты был бы мертв. Я могу использовать это. Выступай сегодня перед толпой. Исцеляй калечных, поднимай на ноги немощных. Я объявлю, что завтра ты избавишь от болезней всех, пришедших на площадь! Ты представляешь, как слух о тебе покатится к городским стенам, сколько людей будут отдавать последнее, лишь бы пробраться завтра на торжества!

Глаза шаха горели. Мысли о завтрашнем дне привели его в экстатическое состояние провидения будущего. Место провидения занимало плоское фантазирование, замешанное на глубоко личном чувстве собственного величия. Сделать с Андзором в этом состоянии ничего нельзя. Повлиять Мельхиор мог только на визирей. Повлиять на них он рассчитывал тем же нехитрым образом, каким прошлым днем повлиял на Пепла.

Шаха волшебник решил не трогать. Его смерть не остановит ритуал, а подменят его так же легко, как и визирей. Шах был его скрытым козырем, картой таро, которая в последующем раскладе может перевернуться. Если показать ему, что благодетели, с которыми он связал надежды, не так сильны, как о себе думают…

Не раскрывая губ, Мельхиор прошептал Истинное видение. Шестеро визирей хорошо сработались и использовали против него сложные заклинания, доступные только при совершенном взаимодействии. Магия визирей окружила залу плотным кольцом. Выходы волшебнику перекрыты. Если шах еще раздумывал, оставлять ли Мельхиора в живых, то решение визирей было очевидно. Справиться со всеми не получится, но одного из них Мельхиор выцепит. Выхватит, как вырвет львица кобылу из сбившегося в кучу табуна.

– Твое сознание, великий шах, одурманено ядом власти. Ты безумен.

Возвращаясь от грандиозных мечтаний об империи к рутине политических дел, шах только вздохнул на эти обвинения и сделал знак поторопиться.

– Я иначе вижу свой путь среди предначертанного демонами, что окружили тебя ложью, поэтому не помогу тебе.

– Убейте его, – равнодушно приказал шах и взмахнул рукой, будто отказывался за обедом от поданного блюда.

Шесть заклятий пронзили Мельхиора, но он загодя переместился за спину визирям, и когда темная магия ударила в куклу, оставленную для отвлечения внимания, он протягивал руки к беззащитной шее одного из шестерых. Шея – слабое место доппельгангеров. Пальцы волшебника превратились в орлиные когти, и первый из шестерых упал на колени, захлебываясь в крови. От его тела поднялся грязно-розовый дым, и серое, безликое существо, скрытое под маской важного сановника, распласталось на полу. Пятеро повернулись к волшебнику.

С умными врагами один трюк нельзя использовать дважды. Они наверняка не допустят его за спину. Сверкнули заклятия. Мельхиор вспыхнул пламенем, и потусторонняя магия снова прошла сквозь него. Жаром и светом загорелся перед шахом огнекрылый феникс – очень трудная трансформация. Вихрь поднялся от хлопаний крыльев, и визири заслонились от него щитом. Из потайного хода перед растерявшимся шахом возник начальник стражи и, своим телом закрывая правителя от ветра, втащил его под защиту визирей. Феникс разодрал когтями магическую сеть, прикрывавшую окно. Представление закончено. В таком виде нельзя лететь по городу, а то рассказы о чудесах и впрямь могут сыграть на руку шаху и его визирям.

– Завтра утром мы встретимся, великий шах, – предупредил Мельхиор, вернувшись в человеческое обличье в створе окна, и тут же, пока не достали его новые заклинания, обернулся ветром и исчез за стенами дворца.

Шах выбрался из объятий начальника стражи и поглядел на серое лицо мертвеца. Он второй раз видел их истинное обличье. И хоть сердце шаха было каменным, даже оно не могло удержаться от отвращения при виде этого чуждого миру людей существа. Шах отвернулся.

– Хорошо сработано, Расул, – Андзор поблагодарил начальника стражи за своевременное вмешательство. – Подарю завтра перстень в честь праздника.

– Благодарю, великий шах, – поклонился Расул.

– Хотя зачем тебе перстень. Ты ведь не женат? Лучше цепочку. Подаришь любимой шлюхе.

Расул вторично поклонился.

– Как он вас, – упрекнул Андзор лжевизирей.

– Не стоит беспокойства, – ответил доппельгангер, занимавший место главного визиря. – Мы найдем, где он скрывается.

– У кого он остановился? – спросил шах у появившегося из дверей хаджиба.

– У Фраман Раджа, вашего надима, – без запинки ответил хаджиб.

– Старый приятель! – воскликнул Андзор. – Расул, займись Раджем, проверь дом. Выставь посты. Как обычно. Много еще на сегодня, меловая душа?

– Тридцать человек, – ответил хаджиб.

– Оставь двенадцать, – приказал шах и, приняв торжественный вид, направился в тронный зал, чтобы продолжить прием.

Три визиря ушли вслед за шахом: прием должен продолжаться как ни в чем не бывало. Двое остались с убитым. Его надлежало вернуть в их мир, чтобы предать торжественным похоронам как погибшего при исполнении воли Баала, коей смертные опять бросили вызов. Жрице это не понравится. Человек или иное существо, убившее доппельгангера, приговаривалось к смерти, чтобы такое не могло повториться, а Мельхиор безжалостно убивал уже второго из них. И этот смертный в силах убить еще. Для таких преступлений у доппельгангеров даже не было кары. Идея шаха использовать волшебника лжевизирей не интересовала. Шах не получит ничего из обещанного. Андзор тихо плыл по величественной реке искусно внушенных иллюзий, и им не было дела раскачивать его самонадеянный челн, который, неуклонно набирая ход, приближался к гремящему за поворотом водопаду.

Глава 3. Черные флаги

На улицах разгорались гулянья. Друзья и соседи собирались кучками, появились цитры, бубны и барабаны, играла музыка. Люди пели и танцевали. В ожидании завтрашнего организованного праздника веселились стихийно, но не безудержно. В старом городе было непривычно многолюдно. Даже в парсийском храме было многолюдно.

Оказавшись внутри, Мельхиор увидел две дюжины прокаженных и Паласара, который рассказывал какую-то чепуху про охоту на дракона и в то же время возился с их язвами. Женщины отмыли храм, и теперь он выглядел даже уютно. Откуда-то разжились шестью большими корзинами свежих лепешек, которые источали дивный аромат, и большим кувшином козьего молока. Завидев волшебника, Паласар вскочил:

– Что? Как шах? Мы побеждаем?

– Забудь шаха. Он обрек город на истребление, – раздраженно отмахнулся Мельхиор и присел на алтарь.

– Как прежде обрек всех нас, – влез, говоря за прокаженных, Хафар.

«Его не хватало», – подумал Мельхиор, вслух же сказал:

– С вами нигде не церемонятся. А вот принести в жертву целый город, целый народ – это за жизнь встретишь раз или два.

Хафар недовольно фыркнул, мол, дела до тех, кто наверху, нам нет, и отошел.

– Спустимся, – предложил волшебник Паласару, – есть предложение.

Крутые ступени окончились подозрительно быстро. Паласар, справедливо полагая, что чем глубже, тем безопаснее, предпочел бы, чтобы лаз был вдвое длиннее.

– Великий шах под чарами? – спросил рассказчик историй, когда начались катакомбы.

– Он под проклятием непроходимой тупости, что в наши дни одолевает всех тиранов, как семейное безумие.

– Не Соломон.

– Не то слово.

– И так ли велика опасность?

– Он нашел себе приспешников, которые обратятся к силам древнего бога. Его достанет, чтобы сровнять город с пустыней целиком. Это они и хотят сделать, если верить их словам.

– Зачем шаху уничтожать свой город?

– Конец света в пределах одной провинции. Он грезит построить на жертве новую империю, новую религию. Записал себя в пророки.

– Боюсь, мудрейший, учения о конце света не моя сильная сторона. Эсхатологии так и не нашлось подходящей грани на камне моей души.

– Разве тебе не кажется, что чувство конца света так или иначе живет в каждом человеке?

– Так или иначе оно, может быть, и живет. Я нахожу, что это чувство можно сравнить с влюбленностью, которая приходит и уходит. Вот подойдет к тебе влюбленный дурак, у которого все на лице аршинной тушью написано, и говорит с убежденностью: «Я влюблен!» Ну хорошо, думаешь, замечательно, а я-то через каких монахов тут примешан? Я понимаю людей, когда они говорят мне о светопреставлении, гибели всего сущего, новой кальпе или новой юге. Порой это даже интересно. Чего я не понимаю, так это почему – на каком таком трехслоновом основании! – все эти проповедники и глашатаи хотят, чтобы я вдруг зажил как-то по-другому да по-ихнему. Я в их концесветие не лезу, а они с ним позволяют ко всем лезть, да порой еще как. Им же всем от тебя что-то надо! Пусть они сто раз правы. Разве это для меня что-то меняет? Ничего. Ровным счетом ничего, сколько бы я об этом ни думал.

– Сегодня речь не о нас, а в Андзоре это чувство течет очень живо. Про то, что в преддверии конца света всем его адептам несуразно много надо, – это ты прав.

– И ничего нельзя сделать?

– Я думаю. Я думаю. Им нужно закончить сложный ритуал. Когда-то, в прошлый раз, им случалось ошибаться, я подслушал. Значит, что-то можно. Для начала убрать как можно больше людей из города. В открытой битве я серолицым не соперник – от шестерых едва ноги унес. Что шестеро донесут, трое дотащат, да один не выволочет. Хитростью попробуем. Помогут нам прокаженные?

– По сути да, но так однозначно не считаю, – уклончиво ответил Паласар. – Не любят они верхних, хотя шаха более других. Много ненависти, зла за старые обиды. Здешняя справедливость – угнетенный всегда прав.

– Они должны понимать, что их участь в порядке вещей. Им сохранили жизнь.

– По-разному бывает. Я расскажу историю Хафара.

– Молви, рассказчик.

– Королева его мать. Они были знатного рода. Когда ее изгоняли, он заступился за нее перед шахом. Говорил, что проказа, не выступающая на коже, не заразна (так и вправду считается, хоть не ручаюсь, что бесспорно это утверждение). Хафар говорил, если его мать изгнать, то он больше ее не увидит, а город чего-то там лишится. Шах рассудил, если ему так важно видеть мать, то пусть следует за ней, а если он хочет заниматься государственными делами, как ему положено по рождению, то пусть забудет ее. Хафар отказался и продолжал выступать в защиту. Тогда шах приказал его схватить и сказал, если тот не может выбрать из двух одного, то глуп и не получит ни того ни другого: он не будет видеть мать и не будет жить среди людей. Ему в глаза залили негашеную известь, смешанную с ядом скорпиона, надели повязку и неделю держали в цепях. Когда он ослеп, его кинули в ущелье к прокаженным. С тех пор Хафар не сторонник Андзора и его решений.

– Ни того ни другого, – задумался Мельхиор. – Когда это произошло?

– Лет десять назад.

– Отдам Андзору должное, тогда у него хоть чувство юмора было.

Паласар чуть не подавился слюной от неожиданности.

– Нет, серьезно, – пустился в разъяснения Мельхиор, – если человек кидает камни вверх, он должен понимать, что рано или поздно ему прилетит по макушке. Не дело обвинять камни и ту силу, что тяжесть их влечет к земле. Я прицелил много птиц в зените и бросил к солнцу множество камней, и, если не увернусь, я не буду на них зол.

– Нет уж, – замотал головой Паласар, – решения ослеплять людей мне не по вкусу даже с перцем всех риторических уловок.

– Наверное, именно поэтому ты и идешь рядом со мной. Ты не принимаешь судьбу, но не принимать судьбу тоже судьба.

– Если не принимать судьбу – судьба, то лысый – цвет волос, лошадь – безгорбый верблюд, здоровье – еще одна болезнь, а жажды не существует, потому что отсутствие воды суть неотличимо от ее наличия, но мало кто рискнет доказать последнее утверждение на своей шкуре.

– Даже слушать не хочу, – оборвал Мельхиор. – Пришли!

Черная подземная река текла, как и вчера, две лампы на стене освещали контуры пещеры, несколько отверженных, приведенных болезнью и изгнанием к окончательному равнодушию, лежали в кельях. Королева и Хафар, каким-то образом опередивший спутников, сидели на драном персидском ковре посреди пещеры.

– Для вас есть дело, – без церемоний обратился волшебник к королеве. – Помогите спасти людей наверху.

– И что для этого надо сделать? – спросила королева, четко показывая, что содержание работы интересует ее больше, чем судьба жителей.

Мельхиор изложил свой замысел:

– В городе двое ворот: северные и восточные. Надо захватить сторожевые башни над воротами. И кое-что еще, но ворота – это самое сложное.

– А если не получится?

– Завтра города не будет, – предрек Мельхиор. – Я знаю это достоверно, ибо и мне в этом зрелище было предложено почетное место на дворцовом балконе.

– Зачем отказался?

– Соглашаться, что ли?

– Нам не под силу то, что ты просишь. Ворота охраняются. А согласись я, ты же понимаешь, что мой титул почетный, почти что шуточный. Сколько из нас не утратили окончательно силу и гордость? Тут каждый второй доволен крысиной долей.

– Твой сын думает иначе.

– Охрана ворот не сильна в это время года, – вступил Хафар. – Пьянство и дурман – вот праздник стражников, но все же многие из нас погибнут.

– О, мой сын презирает Андзора до дрожи в поджилках, – грустно рассмеялась королева. – Он бы пошел с армией, чтобы уронить Андзора с постамента, да вот беда – мой сын слепец, а из них не выходит доблестных воинов. Впрочем…

Королева задумалась. Желание сделать нечто значительное запало ей в душу. Сделать если не для себя, то для Хафара, чтобы насытить его ненависть.

– Я не могу собрать людей… это правда, – произнесла королева, – но король мог бы это сделать. В тебе есть сила, гнев, гордость. Ты никогда не думал стать королем, волшебник с севера?

– Ты предлагаешь мне взять тебя как жену? – удивился Мельхиор.

– Как еще мне встретить достойного мужа?

– Если прокаженным нужен король, то яснее убить тебя и сделать королем Хафара. Он пользуется успехом.

– Ладно, – с поникшей головой отвернулась отвергнутая королева, – пусть Хафар делает, что считает нужным.

Волшебник качнул головой в знак согласия. Его карты играли сами по себе, расклад улучшался, но оставался проигрышным.

– Пройдемся к доппельгангерам, – позвал волшебник рассказчика историй, – а, ты все еще не умеешь обращаться в летучую мышь. Ладно, я один, будь здесь где-нибудь.

– Я уговорю ее и остальных, – шепнул спутникам Хафар. – Даже из здоровых людей многие пойдут. Под покровом ночи мы еще кое-чего стоим, даже я, но нам нужен смышленый предводитель и оружие.

– Займись этим, – ответил волшебник, – я что-нибудь придумаю с вожаком.

– Ты и твой друг? – спросил Хафар.

– Нет, я буду во дворце, а Паласар не ходит дорогой крови. Кого-нибудь еще.

Волшебник обернулся ветром и просквозил в залу, где впервые говорил со жрицей. Все подходы туда были завалены, пещера окружена защитной магией. Брешь, однако, не пришлось долго искать.

Посредине зиял открытый проход в другой мир, над ним, уходя на неизвестную глубину в черную пустоту, парил круглый алтарь красного камня. От края до края в нем было два человеческих роста. Рядом стоял Косматый и наблюдал, как багряный алтарь медленно поднимается из прохода. Волшебник узнал его, хотя тот был, против обыкновения, в истинном сероголовом облике.

– Я думал, ты можешь прийти, – встретил гостя Косматый. – На меня не бросайся. Теперь закончить подъем может любой наш маг, а тебе лучше послушать.

– Вы обманули меня, что эта зала больше не нужна.

– Мы много лжем, – подтвердил Косматый.

– Ты необыкновенно расположен ко мне сегодня, – вопросительно сказал Мельхиор.

– Как и раньше, – подтвердил Косматый. – Я же оставлял для тебя проходы.

«Предусмотрительный хитрец», – подумал волшебник.

– Почему вы называете себя доппельгангерами? – спросил он вслед за этим.

– Потому что тебе хорошо знакомо это слово. Так нас называют в твоих землях. Нас часто путают с другими существами, а то и с выдумками. Доппельгангеры, сиды, ракшасы, гуи. А здесь мы джинны. Одни из джиннов. Где-то…

– Хватит. Я понял. Зачем и что это за камень?

– Это печать Баала, – бесстрастно ответил Косматый. – Еще нужен меч. Когда солнце поднимется в зенит, жрица мечом расколет печать и Баал выйдет наружу. Мы используем печать, чтобы указать место, а меч служит проводником божественной силы. Не тревожься до срока. Баал очень далеко, сюда придет только его тень, сборщик дани, пожинающий беззащитные жертвы, назначенные жрицей. Не советую быть поблизости, когда это случится.

– Я вижу, ты мне не враг. Преданность жрице не оплачивается достойно?

– Среди наших я древний. Я древнее жрицы и всего жреческого рода. Я помню наш мир до Баала. Я помню нас до тех пор, как мы стали послушными куклами, которые и смеяться позволяют себе, только изменив внешний облик. Я помню нас еще не принявшими серый цвет слуг. Мы всегда были странниками и всегда меняли облик, как одежду. До Баала мы путешествовали, чтобы устраивать шутки себе на потеху. Мы оставили след и в ваших легендах. Ваш Локи был кто-то наш. Кому придет в голову мысль превращаться в кобылу, чтобы отвлечь от работы жеребца, а потом и родить от него, как не доппельгангеру? Уж точно не колдуну вроде тебя, для таких дел вы, маги, слишком серьезны. Но к делу. Я недоволен тем, что происходит, и маятник моей верности движется к среднему положению. Ты не сможешь победить нас здесь, но ты, как никто, искусен в иллюзиях и можешь попытать счастье в нашем мире. Следуй за нами, когда все закончится. Проход будет открыт какое-то время после. Теперь уходи. Здесь твое волшебство бессильно.

– Я не могу помешать доставить сюда печать?

– Теперь даже я не могу ничему помешать. Осталось только поднять. Ты не странник, у тебя нет власти над проходами, и вернуть ее обратно ты не можешь. Как я говорил, осталось только поднять ее во дворец, с этим кто угодно справится.

– Разрушить печать? – предложил Мельхиор.

– Сама печать нерушима. Только меч может расколоть ее. Попробуй, если не брезгуешь.

Прикосновение руки соединило Мельхиора с печатью, и волшебник познал сущность темного бога. Косматый был прав. Печать запредельна для человеческого искусства. Ничто из знаний Мельхиора не могло причинить ей вред.

– И часто вы притаскиваете эту мерзость в наш мир? – поинтересовался Мельхиор. Косматого надо использовать, пока он в разговорчивом настроении. Жаль, Паласара нет, он бы вытащил из сероголового целую исповедную речь.

– То в ваш, то в какой-нибудь другой. Часто ли? Всякий раз, когда Баал просит жертву. С богом говорит только великая жрица. Теперь он просит чаще. Говорят, он набирается сил и грядет его возвращение, тогда целые миры будут опустошены подобно городам.

– Кто будет завтра во дворце проводить ритуал?

– Будут черные волхвы – они назначают жертву. Визири – высшие маги для поддержки, жрица и ее выкормыш Вельхфрунг и, может, еще жреческие маги рангом пониже. Пепел был

пустяком, но после убийства визиря тебя принимают всерьез и больше не будут баловать. Дам совет: не стоит тягаться со жрицей. Она под дланью Баала.

– Мой совет: держись завтра от дворца подальше.

– Я буду дома. При ритуале Баал щадит только жрецов. Даже из нас. Я уйду, когда доставлю печать во дворец. Я открываю проходы. Большие проходы. Эта работа закончена.

Косматый поднял глаза к потолку. Прозрачного свода над ними не было видно: он был затенен и терялся где-то в вышине.

– К ночи печать поднимется прямо во дворец, – объяснил Косматый. – Я знаю, как без хлопот доставлять такие предметы. За это меня еще терпят.

Оставив Косматого с печатью, а Паласара с Хафаром, волшебник покинул катакомбы, поднялся на поверхность и в наступающих сумерках пошел к дому Фраман Раджа. По пути Мельхиор обнаружил, что раздвоился. В нем теперь жило два волшебника. Один хотел рассуждать о предопределении, кисмете, карме и проворачивать дела с изяществом шахматного игрока, другой был расчетливым стратегом и прагматично взвешивал все мысли на холодных весах разума. Первый был местным, второй притащился за компанию из заморского севера. Первый гадал, суждено ли ему умереть от старости, второй высчитывал, как увеличить шансы на победу или лучше прямо сейчас оставить Андзора наедине с его «союзниками».

Мельхиор так задумался над разделением, что едва не угодил в западню, расставленную шахом перед жилищем Фраман Раджа. Западня обернулась бы бедой для стражи, оставленной сторожить волшебника у дома его хозяина, но луна позволила им пережить эту ночь. Выглянувший из-за облаков рогатый полудиск осветил улицу, и Мельхиор заметил стражу прежде, чем они разглядели ночного гостя. В дом к Фраман Раджу волшебник влетел черным дроздом.

Внутри все было перебито и перевернуто сверху донизу. Гостей разогнали. Хозяин одиноко сидел у пустого стола и с горя – иначе он бы не стал – курил гашиш. Человек не столь наблюдательный сказал бы, что он курил багдадский кальян искусной работы, собранный со всем возможным прилежанием потомственного ремесленника лет тридцать – сорок назад, но Мельхиор безошибочно определил по запаху, что курил он именно гашиш. Серебряный мундштук с аляповатым изображением конных лучников дрожал в пальцах Раджа, грозясь упасть на ковер и запачкаться.

Правая рука Раджа, перемотанная окровавленным тряпьем, болталась на повязке. Рядом с хозяином, положа голову ему на колени, дремала Аринуашди, тоже несколько потрепанная налетом шахской стражи.

– Ты пробрался через засаду?! – радостно воскликнул Радж при виде Мельхиора, но тут же сник: – А, ты же великий маг.

– Как дела у великого шаха? – спросил Мельхиор, присаживаясь рядом.

– Допросил меня. Перерыл весь дом. Забрал детей, сказал, если тебя не отыщут к утру, им всем… – Фраман Радж провел пальцем по горлу.

– Всех забрал?

– Нет, только малолетних.

– Это нормально, – заверил Мельхиор. – А как твои дела?

– Благодарствую джиннам красных полей, боль отступила, а горевать мне отродясь не приходилось.

– Есть одно дело до тебя, Фраман Радж. Уж не откажи.

Хозяин глубоко затянулся сладковатым дымом и, выдохнув на Аринуашди, широко развел здоровой рукой, рискуя за трубку потянуть и опрокинуть кальян: говори, мол.

– Есть у меня под началом отряд. Сброд несусветный, но на кое-что сгодится. Возьми его и захвати мне к утру северные ворота.

– И стоило меня шевелить из-за таких мелочей, – выпалил Фраман Радж. В опьянении никак не разобрать, говорит ли он серьезно или в шутку. – Я, бывало, не то что ворота, целые города брал. Подкопом. Шесть месяцев ушло. К утру так к утру. Мне бы подняться! Подними меня! – Фраман Радж ударил по уху Аринуашди, отчего та подскочила и стала заспанно озираться по сторонам, сопротивляясь возвращаться к кошмару, из которого недавно выбралась.

Фраман Радж подскочил и ни с того ни с сего стал трясти служанку за плечи. При этом он так резко дернул раненой рукой, что со стоном свалился на пол. Аринуашди заплакала.

– Тише, Радж. Тише, Аринуашди. Тише, Радж… – проговорил Мельхиор гипнотическим голосом, и двое застыли перед ним как статуи. – Вы под моей защитой.

Мельхиор взял мундштук, выпавший из руки Раджа, положил его на стол, потом вытряхнул на стол тлеющий пепел и залил его мутным содержимым кальяна. Волшебник размотал тряпки и осмотрел руку Раджа. Грустные переломы, если лечить их обычными средствами.

– Пойдемте в мои покои, – позвал Мельхиор, и хозяин, поддерживаемый служанкой, побрел за ним.

В покоях волшебника стоял внушительный, окованный мозаичной дамасской сталью сундук. Рисунок на стальном оребрении переливался всеми цветами от фиолетового до оранжевого и привлекал Аринуашди больше, чем многие золотые украшения, которые ей доводилось наблюдать на гостях. Сундук, без сомнения, был волшебным, потому что его с легкостью поднимал один человек, а вот открыть замки никому, кроме Мельхиора, было не под силу.

В крышке сундука были запрятаны потайные ящички с разнообразным магическим скарбом, собранным за годы путешествий. Из одного тайника волшебник выудил мешочек с приятно пахнущими травами. Аринуашди было приказано размочить половину трав в кипящей воде и аккуратно привязать на рану Фраман Раджу. Мельхиор нарочито повторил про аккуратность, потому что, судя по первой перевязке, с этим у служанки имелись сложности.

Пока Аринуашди изо всех сил напрягала руки, дрожащие после грубого обращения шахской стражи, и осваивала новое для себя ремесло знахарки, из другого ящичка, куда более потайного, чем прежний, Мельхиор вытащил булавку. У булавки имелась своя коробочка из сандалового дерева с вырезанными защитными заклинаниями, дно коробочки устилали слои некрашеного шелка, проложенные платиновой крошкой. С такими предосторожностями Мельхиор хранил одну-единственную по-настоящему дорогую в его коллекции вещь. Булавку украшала миниатюрная змеиная головка с двумя крохотными изумрудами на месте глаз. Волшебник приколол чудо-булавку к вороту кафтана.

Оружие. Мельхиор не любил его. Слабые люди всегда используют оружие, когда не могут добиться желаемого собственными силами. Оружие делает за них грязную работу, устраняет с их пути сложности. Чтобы не быть рабом собственной слабости, чтобы оружие не напоминало слабым людям об их беспомощности, они придумали даже искусство обращения с оружием. Это искусство дает им иллюзию, будто заслуга оружия все-таки их собственная заслуга. В мире майи такие иллюзии возможны, более того – обычны.

Из этих наблюдений за людьми Мельхиор находил оружие мерзким, но сейчас, когда, как говорили римляне, дело дошло до триариев и бой будет идти без оглядки на потери, ему не до брезгливости. Восточный созерцательный Мельхиор признавал слабость в грядущем поединке со жрицей, но надеялся не попасть в ловушку зависимости от оружия окончательно, даже зная, что второй, северный, расчетливый Мельхиор без колебаний пустит булавку в ход. Тогда будет видно, не ошибся ли Косматый с советом держаться от города подальше.

Перевязка заняла больше времени, чем быстрые сборы Мельхиора. Пока волшебник скучал, Фраман Радж с упоением обнюхивал пальцы, хранившие сладкий запах дурмана, но вдруг решил занять волшебника рассказом.

– Известно ли вам, как собирают это чудодейственное зелье? – риторически спросил он и, дав Мельхиору промычать что-то неразборчивое, продолжил: – В горных долинах к востоку отсюда, где маковые поля застилают целые долины… Сборщики – обычно это молодые юноши – раздеваются донага, натираются маслом, а потом носятся бегом по этим полям, и пыльца оседает на их коже, с которой ее собирают особыми скребками. Затем отжимают масло и пот, нарезают, как сыр, и продают. Хэш. Мы курим его в минуты горя. У нас это называется «уйти в хэш».

– Очень интересно, – согласился Мельхиор таким тоном, будто эти пляски на полях он по меньшей мере дюжину раз видел воочию. Аринуашди история заинтересовала только в части, касающейся голых юношей, натертых маслом, но она была горожанкой, и, даже несмотря на юношей, крестьянские хитрости сбора урожая были на две головы ниже ее достоинства.

– В неделях к западу от нас, – продолжил Радж, – есть даже секта «Новый призыв», которая сделала курение гашиша своей духовной практикой. Их называют хашашины, или, по-вашему, ассасины. Вообще я противник того, чтобы смешивать разнородные пьянящие чувства. Я – натура тонкая! («И ты тоже», – вздохнул про себя Мельхиор.) Некоторые смешивают опьянение с любовной страстью или с воинским пылом, но это от недостатка. Кто полон страстью, не распаляет себя перед ночью, кто отважен и яростен, не пьянит себя перед битвой… Лишь в горе и одиночестве зовут духов красных долин…

– Пора идти, – призвал волшебник, когда работа Аринуашди была закончена.

Перевязанный Фраман Радж вопросительно взглянул на Мельхиора. Как Паласар не умел становиться ветром, так старый военачальник не умел оборачиваться дроздом. Волшебник повел его к дверям и, оставив ждать внутри, сонным туманом вылетел наружу. Дюжина шахских стражников грузно повалилась на землю, не в силах бороться с накатившей на них дремотой. Услыхав лязг железа, Фраман Радж осторожно приоткрыл дверь и с удовлетворением разглядел дрыхнувший без задних ног пост. Мельхиор дождался, пока Радж с усердием завзятого мародера снял с каждого стражника палаш с ножнами и поясом – а это нелегко сделать одной рукой – и взвалил тяжелую ношу себе на спину. Аринуашди старый воевода к деликатному делу не подпустил: еще порежется.

В сопровождении вьючного генерала и служанки волшебник в очередной раз пришел к парсийскому храму. Хафар постарался от души. Вокруг алтаря собралось человек двести, готовых помогать ему в нелегком предприятии. Как он и обещал, среди них были и здоровые люди из числа родных и близких его отверженной братии.

Фраман Радж был так обескуражен при виде своих будущих псов войны, что молча пожирал прокаженных глазами, не находя, что сказать. Волшебник упоминал сброд, он думал, речь пойдет о разбойниках и дезертирах, лихих людях, которым всего-то и надо, что немного воинской дисциплины, но эти! Фраман Радж даже позабыл шутку, которой при приветствии хотел высмеять «служивых».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.